

Андрей Белянин

Моя жена — ведьма

Фэнтези • Любовный роман • Юмор

Андрей Олегович Белянин

Моя жена – ведьма

Серия «Моя жена – ведьма», книга 1

*Текст предоставлен издательством «Армада»
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=121134
Моя жена – ведьма: Альфа-книга; Москва; 2012
ISBN 978-5-9922-1098-9*

Аннотация

Когда ваша жена – ведьма, не сомневайтесь, приключения на пороге. А если вы вынуждены разыскивать ее в Темных мирах, которые – уж поверьте! – не ради красного словца названы Темными, то вам точно не придется скучать. К тому же в столь веселой компании, как... черт и ангел.

Андрей Белянин

Моя жена – ведьма

Я устал прятаться от тарелок. Они меня не слушаются! Я живой человек, что мне теперь, и из-за стола встать нельзя? Ей легко говорить, она только взглянет – и все блюдечки стоят по стойке «смирно».

– Любимый, если захочешь есть, просто сядь за стол. Я договорилась с посудой, все остальное они сделают сами...

И сделали же! Стоило опуститься на табуретку, как из настенного ящика со свистом вылетели нож, ложка и вилка и мягко скользнули на скатерть перед побледневшим мной. Потом начищенный половник, фамильярно подмигнув проплывающей тарелке, эффектно плюхнул в нее хорошую порцию борща. Аромат – на всю кухню... Тарелка плавно, чтобы не расплескать, усаживается между ложкой и вилкой. Последний штрих – хлеб и десертная ложечка сметаны. Немного напоминает знаменитую сцену с варениками из Гоголя, не правда ли? Спрашивается, чем я еще не доволен? Да жене, которая способна так выдрессировать кухонную утварь, надо памятник при жизни ставить и ноги целовать. Не спорю... Даже наоборот, я очень ее люблю, но результат... Мне взбредает в голову, что руки перед едой надо мыть. Ничего не попишешь, подзабыл, с кем не бывает... И вот, когда я встаю, дабы направиться в ванную, эта дура тарелка, до краев на-

полненная дымящимся борщом, вдруг решает, что ее бросили, и срывается следом за мной. То ли она не рассчитала скорости, то ли я зацепился тапочкой за складку на линолеуме, но последствия... У меня обварена вся поясница и... пардон, то, что ниже. Жена вечером ревела в голос и требовала показать ей именно ту тарелку, чтоб разбить ее сию же минуту. Но злоумышленница, резко поумнев, сразу после моего вопля бросилась мыться и давно замаскировалась на полке с посудой среди своих фарфоровых товаров. Как я ее узнаю? По выражению лица? Вот когда она меня ошпаривала, готов поклясться – лицо у нее было самое вредительское. А теперь... как их отличишь? Прямых улик нет, взятки гладки.

Пока супруга ласковыми пальчиками обильно вымазывала мою заднюю часть прохладной мазью, я жалобно уговаривал ее больше не колдовать в доме. Дело в том, что моя жена – ведьма. Не пугайтесь... Видите, я говорю об этом совершенно буднично и спокойно. Ведьма... Да большинство мужчин периодически бросают такой эпитет раздраженным половинам, когда те, в бигуди, застиранных халатах и с остатками вчерашней косметики на помятых лицах, не дают им достойно отметить День Парижской коммуны. Я же всегда произношу это слово с уважением. Никаких обид, никаких оскорблений, ничего личного, просто ведьма... Не такая уж редкость, должен признать. Русь-матушка издревле славилась своей лояльностью ко всякого рода нечисти. Достаточно вспомнить великолепный сборник «Киев-

ские ведьмы», прозу Жуковского и Брюсова, поэзию Пушкина и Гумилева. Про Гоголя вообще молчу, а кто не восхищался дивным романом Булгакова? Многим ли мужчинам досталась такая самоотверженная женщина, как Маргарита? Кто хотя бы раз не мечтал втайне коснуться губами ее колена и услышать: «Королева в восхищении...»

Мне повезло. Я так считаю. Мнение других по этому поводу мне безразлично. Если же какой-либо индивидуум начнет особенно сильно настаивать, я забуду о своей врожденной интеллигентности и ударю его по лицу. Он должен быть мне очень благодарен, ибо если за это возьмется моя жена... Один тип, торгаш из соседнего винно-водочного киоска, ухитрился схлопотать от нее пощечину – говорят, его до сих пор лечат. Всю щеку расцветил невероятно большой лишай, и врачи разводят руками, не зная, что с ним делать...

История нашей любви проста и романтична. Мы познакомились в библиотеке. Меня пригласили туда на выступление со стихами. Видите ли, я – поэт. В своем городе человек признанный, известный, член Союза писателей. Благодаря этому меня часто приглашают на выступления в разные организации, иногда даже платят, но дело не в этом... Она работала в этой библиотеке, встретила меня у входа, проводила в зал, дальше – как обычно... Вернее, все обычное на этом закончилось. Я посмотрел в ее глаза, и мир изменился. Банально? Увы... раньше я и сам пребывал в блаженной уверенности, что подобное происходит лишь в книжках да в кино. Ее глаза

карие, необычайно теплые и такие глубокие, что я провалился в них с первого же взгляда. Сам толком не понимая происходящего, я читал все стихи о любви только ей. Я отвечал на вопросы из зала так блестяще остроумно, что она все время хохотала, стоя у стены. Я с трудом отводил от нее взгляд, абсолютно не желая давать себе отчет в полной бестактности столь навязчивого разглядывания посторонней женщины... Пршли три долгих мучительных года, и вот теперь мы вместе. О том, что она – ведьма, Наташа призналась мне в первый же день нашей супружеской жизни.

– И не делай такое снисходительное лицо, – строго заявила она. – Терпеть не могу, когда ты разговариваешь со мной как с сумасшедшей или как с маленькой девочкой, рассказывающей папе страшный сон. Да, я – ведьма! Прошу принять это к сведению и относиться серьезно.

– Любимая, ты надеешься, что я одумаюсь и быстренько подам на развод?

– Поздно, дорогой! Ни о каком разводе даже не мечтай. Теперь я сама ни за что тебя не отпущу. Просто ты имеешь право знать обо мне всю правду, а правда такова: я – ведьма.

– Очень интересно, – снова улыбнулся я, усаживая ее к себе на колени. Это была наша излюбленная поза для душевных разговоров. Я обнял ее за талию, а она положила руки мне на плечи. – Теперь рассказывай: когда, как и, вообще, с чего ты заметила в себе первые признаки нечистого духа?

– Я тебя укушу!

– Только не за ухо... ай! Не надо... Я же люблю тебя!

– Я тоже тебя люблю. Не говори глупостей. Все далеко не так весело... Ты что-нибудь слышал о передаче дара?

– Что-то очень смутное. Вроде как каждый колдун перед смертью должен передать свой дар кому-нибудь, да?

– Почти, – серьезно кивнула Наташа. – Как все-таки хорошо, что ты у меня такой начитанный, сам все знаешь. Моя бабушка была верховинской украинкой с Закарпатья. В деревне все знали, что она ведьма, и, когда мы с мамой приезжали к ней на лето, соседские дети дразнили меня ведьмачкой.

– Это нехорошо... Дети должны быть вежливыми и дружелюбными, а дразниться... ой! Ухо, ухо, ухо...

– Я тебя еще и не так покусую! – возмущенно фыркнула она, тут же подарив мне утешающий поцелуй. – Ну, пожалуйста, отнесись к моим словам серьезно... Так вот, однажды зимой бабушка заболела. Мы с папой остались в городе, а мама уехала к ней, но не успела: бабушка умерла. Соседи говорили, что это была страшная смерть, она металась, кричала, словно боролась с кем-то, кто душил ее... Уже не помню, какие там были сложности с похоронами, кажется, священник запрещал хоронить ее на кладбище, но в конце концов все уладилось. Мама продала дом со всем содержимым в собственность совхоза и очень сердилась, когда я расспрашивала о бабушке.

– Странные отношения для матери и дочери.

– Они всегда были напряженными. Бабушка не приняла

папу и считала мамин выбор ошибкой. Она даже не писала нам. Меня любила безумно, считая, что я очень похожа на маму, и всегда дарила подарки. Вот так...

– И от бабушкиной любви тебе передалось ведьмовство?

– Дело в том, что, пока мама была на похоронах, на наш адрес пришла посылка. Папа сам получал ее на почте. Видимо, бабушка отправила ее сразу же, как заболела, или чуть раньше. Там лежали банки с вареньем, какие-то травы, сушеные грибы на ниточке, вроде бы все... По крайней мере, так папа успокаивал разволновавшуюся маму, когда она вернулась. Он не знал, что там был подарок для меня. Между банками лежала коробочка, я ее схватила и спрятала в карман. Потом закрылась в детской и там посмотрела. Это была тяжелая серебряная цепь с необычным крестом из черного металла. Я сразу поняла, какая старая и красивая вещь у меня в руках. Я ее надела и...

– И?

– Не целуйся, ты меня отвлекаешь... Не целуй, тебе говорят!

– Извини, – покаялся я. – Что же было дальше?

– Я потеряла сознание. Папа говорил, что он очень испугался, услышав шум в моей комнате. Но, когда он привел меня в чувство, никакой цепочки на шее не было. А цепь я нашла уже утром следующего дня в том же кармашке платья.

– Значит, бабушка вложила в свой подарок всю ведьмовскую силу и таким образом передала ее тебе?

– Да. Когда мне исполнилось восемнадцать, я ощутила этот дар.

– Как именно?

– Я могу взглядом двигать предметы.

– Рядовой телекинез, – хмыкнул я.

– Могу летать.

– Обычная левитация.

– Могу колдовать.

– То есть уверять человека в том, что он видит то, чего нет? Подснежники посреди зимы, кролик в шляпе, белье из Франции и червонцы с потолка... Банальный гипноз. Девочка моя, ты находишься во власти глубоких заблуждений. Мой долг мужа и гражданина взять тебя за руку и отвести к хорошему психиатру, а уж там...

Вместо ответа она взглядом подняла со стола чашку остывшего чая и заставила ее медленно вылить содержимое мне за шиворот. С этого момента я ей поверил...

* * *

Потом она показала мне эту цепь, действительно, старое серебро с чернью, царапинками, тяжелое и холодное. Крест аккуратно вписывался в правильный квадрат, нижняя планка несколько изогнута вправо, верхняя – влево, но все равно это, несомненно, был крест. Металл мне неизвестный, черный, как чугун, но на ладони легче алюминия. Я попытался

примерить, но жена отобрала, покрутив пальцем у виска.

– Может взорваться? – кисло пошутил я.

– Не умничай... Дара в нем уже нет, но рисковать не хочу.

– Боишься, что я стану колдуном?

– Милый мой, ну о чем ты говоришь?! – Она всплеснула руками и прижалась ко мне. – Ты хоть понимаешь, каково это – быть колдуном?

– Крибле, крабле, бумс! После чего появляются маленькие зеленые человечки и выполняют любое мое желание...

– Маленькие зеленые человечки появляются после второй бутылки без закуски. Послушай, ты у меня умница, красавец мужчина, вдобавок замечательный поэт, я тебя очень-очень люблю! Не лезь, пожалуйста, куда не просят...

Она меня уговорила. Ей вообще легко это удастся, я просто теряю голову от ее поцелуев. Каждый раз напоминаю себе, кто в доме хозяин, каждый раз даю слово обязательно настоять на своем и... Ей достаточно подойти и посмотреть мне в глаза. Только что веревки не вьет. Почему я так свято уверен, что она меня действительно любит?

И вот однажды в зимнюю ночь Наташа исчезла. Это произошло примерно через месяц нашей совместной жизни. Началось с того, что я проснулся от непонятной смутной тревоги – жены рядом не было. Подушка еще хранила аромат ее волос, но простыня с той стороны кровати уже была холодной. Я встал, нашарив в темноте шлепанцы, пошел в кухню, включил свет – никого... В туалете и ванной ее тоже не ока-

залось. Я бросился в прихожую – Наташина дубленка висела на вешалке, а зимние ботинки уютно прикорнули в углу. Ничего не понимаю, чертовщина какая-то...

– Милый, ты где? – Голос моей жены раздался из спальни, заставив меня буквально подпрыгнуть на месте. Ничего не понимаю... Ее же там не было!!!

– Что с тобой? – сонно мурлыкнула она, когда я вновь залез под одеяло. – Ты же холодный весь! Иди ко мне, я тебя согрею...

Мы жадно прижались друг к другу, и, уже засыпая, я никак не мог понять, что за странный запах исходит от ее черных волос...

Второй раз это случилось дня через три. У нас не было четкого распорядка, кто когда встает, кто готовит завтрак, кто нежится в постели. На этот раз первым встал я, Наташа спала, свернувшись теплым комочком и натянув одеяло до самого носа. За окном шел снег. Я быстренько влез в штаны, прошлепал на кухню поставить чайник, а вернувшись, присел на краешек кровати, любуясь этой женщиной. Мне очень нравилось смотреть на нее спящую... Такую беззащитную, трогательно-ранимую и безумно родную. Вот тут-то я опять почувствовал режущий ноздри запах. Оглядевшись, я невольно склонился над безмятежно посапывающей женой, и... запах усилился! Он шел от ее волос... Резкий, душный запах псины! Нет, чего-то очень похожего, но иного... более дикого, что ли... Наташа так неожиданно распах-

нула глаза, что я вздрогнул.

– А-а-а... это ты... – Она сладко потянулась, выпростав из-под одеяла смуглые округлые руки. – Опять подглядываешь? Ну как тебе не стыдно, заяц... Сколько раз я тебя просила...

– Ты ничего не чувствуешь? – перебил я.

– Хм-м... нет, а что? – Она недоуменно хлопнула ресницами.

– Здесь пахнет... собачьей шерстью или чем-то очень похожим.

– Да?

– И пахнет от тебя, – пояснил я.

– Сережка, милый, ну что ты несешь? – мягко улыbnулась Наташа, забрасывая руки мне на шею. Одеяло скользнуло по ее груди, и я вновь почувствовал томительно-сладкое головокружение. – Нет, погоди... Я – в душ!

Она выскользнула из моих объятий, как волна, и через некоторое время уже звала меня из кухни. Чайник закипел. Наташа доставала из шкафчика банку кофе. Она только что вылезла из ванны, и ее мокрые волосы источали аромат зеленых яблок. Ненадолго я забыл о странном запахе...

Наташа сама заговорила со мной в следующую же ночь, когда мы, горячие и усталые, пытались улечься поудобнее, чтобы хоть какую-то часть этой ночи посвятить именно сну.

– Что-нибудь не так?

– Любимая, ты у меня просто чудо... Живой огонь! Я ни-

когда не встречал такой женщины.

– Не выкручивайся. – Она приподнялась на локте, заглядывая мне в глаза. – Ну вот зачем ты так со мной? Я же все вижу...

– Что ты видишь?

– Ты опять принохиваешься к моим волосам.

– Вовсе нет. Просто твоя голова лежит у меня на груди, я вдыхаю и выдыхаю, вот и создается иллюзия...

– Ты уверен, что тебе надо это знать? – перебила Наташа.

Я пожал плечами, мы помолчали.

– Ты прав. Конечно же ты во всем прав. Раз уж мы вместе, то ты имеешь право знать обо мне все. Я... я надеялась, что, может быть, ты не заметишь, но... У меня появились определенные проблемы.

– Тогда рассказывай. Пока мы едины – мы непобедимы! Ай! Ухо... не кусайся!

– Кусалась и буду кусаться! Вредина... Я с ним серьезно разговариваю, а он от меня дурацкими лозунгами кубинской революции отмахивается. Не буду говорить!

– Все, все, все... Смилуйся, государыня рыбка! Ты хотела поделиться со мной нашими проблемами.

– Нашими?

– Естественно, ибо как муж принадлежит своей жене, так и жена принадлежит своему мужу, – важно заключил я.

Наташа встала, подошла к окну и отдернула занавеску. На ультрамариновом небе, среди серебряной россыпи звезд,

матово отсвечивал розоватый диск луны.

– Полнолуние...

Я смотрел на залитое холодным блеском тело моей жены, почти не дыша от немого восхищения. Она была так недосыгаемо прекрасна, как мраморная статуя Венеры в Эрмитаже, как «Источник» у Энгра или «Утро» у Коненкова. Я бы мог назвать еще кучу имен и произведений искусства, но самое дивное творение самой природы стояло сейчас передо мной.

– Ты можешь хоть минуту не думать обо мне как о женщине?!

– Могу... после девяноста восьми.

– Дурак... только попробуй. – Она едва не прыснула со смеху, но вновь попыталась взять серьезную ноту: – Ты видишь, в небе полная луна. В такие ночи Силы Тьмы берут над нами особую власть. Я – ведьма, и я тебя люблю. Поэтому я уйду далеко, далеко...

– Ничего не понимаю. Какие Силы Тьмы? Какая еще власть? Почему и зачем тебе надо куда-то уходить?

– Затем, что я не всегда могу контролировать свои чувства. Затем, что звериные инстинкты берут верх, а я не могу себе позволить причинить тебе хоть малейший вред. Я уйду в другие миры... И возвращаюсь почти тут же. То, что является целым днем там, здесь занимает меньше минуты. Умение сворачивать время – серьезный плюс ведьмовства. Раньше мне удавалось проделывать это незаметно, теперь ты стал замечать. Значит, время настало...

– Любимая, иди ко мне... – Я протянул руки в надежде, что она, как всегда, бросится ко мне в объятия, а уж там... в общем, вдвоем мы сумеем развеять ее депрессию.

– Нет... – Голос Наташи неожиданно наполнился пугающей грустью. – Не надо... пожалуйста. Просто посмотри. Ничего не говори, ничего не делай, даже не двигайся – смотри...

Она шагнула в центр комнаты, быстро вскинула руки вверх, запрокинула голову и на мгновение замерла в напряженной позе. Потом – неуловимое глазу движение, словно бы кувырок или кульбит через спину, и... в нашей спальне на ковре встала волчица! Я потерял дар речи, все тело словно сковало ледящим холодом страха, а дикий зверь втянул ноздрями воздух, пристально посмотрел на меня круглыми желтыми глазами, крутанулся на месте и исчез. Прошла невероятно долгая минута, пока Наташа вновь не оказалась на прежнем месте.

– Теперь ты видел, теперь ты знаешь.

Я молчал. Она недоверчиво сощурилась, толкнула меня в плечо, а я повалился с кровати на пол, как пластмассовый манекен. Жена накинула халатик и бросилась к холодильнику за водкой. Через полчаса эффективных растираний мои мышцы пришли в прежнюю норму, но говорить я смог гораздо раньше. Правда, не помню, о чем конкретно я тогда так кричал. Кажется, ругался... Или молился?..

К вечеру следующего дня, за ужином, мы вновь вернулись к прежней теме. Первым не выдержал я, признаюсь...

– Любимая, это... ну, не очень больно?

– Нет. – Она сразу поняла, о чем я, и, отставив чашку, взяла мою ладонь в свои. Ее глаза были ласковы и печальны. – Почему ты спрашиваешь?

– Так... обычно в фильмах ужасов человека ломает, корежит, у него меняются формы, трансформируются кости и мышцы, растут зубы, лезет шерсть... Все это сопровождается жуткими криками, слезами, судорогами. Как это происходит у тебя?

– Наверное, это труднообъяснимо... В полнолуние я ощущаю своеобразный зов, словно сама кровь иначе движется в жилах, сердце бьется по-другому, даже зрение меняется. Я вижу тонкие миры, ощущаю вокруг себя иную сущность вещей, запахов, цвета... Кожа становится такой тонкой, что кажется – ветер проходит сквозь меня. Потом мгновенный всплеск боли, сладкой до умопомрачения... Все человеческое исчезает – и я смотрю на мир глазами волчицы. Я оказываюсь в другом месте, другом измерении, другом мире, если хочешь...

– Эти... миры, они всегда разные?

– Да. Или, вернее, их несколько, иногда попадаешь в один

и тот же. Это бывает лес, пустыня, заброшенный город. Я помню какие-то смутные обрывки самых ярких впечатлений, в основном это связано с бегом за кем-то или от кого-то. Охота, погоня, бой. Когда происходит акт возвращения в прежнее тело, я не успеваю запомнить. Но это всегда бывает только здесь, только в этом мире. Там я не могу стать человеком, хотя убеждена – именно те миры насыщены магией до предела. Возможно, нам позволяют в них лишь заглянуть, но не разрешают в них жить.

– Нам? – немного удивившись, переспросил я.

– Нас несколько. Я иногда вспоминаю свой бег в стае. Среди настоящих волков были и волки-оборотни. У них совершенно другой, по-человечески осмысленный взгляд. Мы сразу узнаем друг друга и стараемся держаться подальше. Там есть огромный серебристо-серый волк, его взгляд наполняет меня ужасом. Я не могу объяснить почему... Мне кажется, что я ощущаю исходящее от них зло. Мы разные... Если бы они могли меня догнать, то обязательно бы убили.

– Любимая, ты уверена, что от этого нельзя никак излечиться?

– Глупый... – Наташа опустила голову, нежно потерлась щекой о мою ладонь и грустно закончила: – Ты думаешь, я не пыталась? Я перепробовала все, даже ходила в церковь. Кончилось тем, что один священник убедил меня согласиться на экзерсизм. Он утверждал, что ночью в церкви путем

специальных молитв ему наверняка удастся изгнать из меня дьявола. Я оказалась такой дурой, что пошла... Когда наступила полночь, я разделась и встала у алтаря, этот тип пошел ко мне, пуская слюну от похоти... Как меня не стошнило?! Потом был мгновенный переход... Вернувшись в свое тело, я обнаружила его тихо скулящим под какой-то скамьей. Он прижимал к груди правую руку, располосованную волчьими клыками...

– И это священник?!

– Он тоже человек, не стоит его осуждать.

– Знаешь... – Я замолчал, не в состоянии четко сформулировать обуревавшие меня чувства. – Я очень хочу тебе помочь. И очень за тебя волнуюсь... не бегай там... где попало.

– Родной мой, милый, единственный... Никогда за меня не переживай, я же ведьма.

– Ты – моя жена, – строго напомнил я. – Не будешь слушаться – применю физическую силу!

– Прямо сейчас? – кокетливо изогнулась она.

– Слушай, а мне как-нибудь нельзя с тобой?

– Нет. Ни-ког-да! Даже думать об этом не смей.

– А что? Ты – ведьма, я переквалифицируюсь в колдуны.

Почему тебе можно, а мне нельзя?

– Так, Сергей, слушай меня внимательно. – Ее голос заметно похолодел, а в глазах мелькнули недобрые искорки. – Если ты меня любишь, если ты хочешь, чтобы мы были счастливы, – обещай мне никогда не лезть в Темные миры!

– Обещаю. А что такое Темные...

Тут она встала с табуретки и поцеловала меня. Около часа мы были очень заняты... Смутно помню, о чем она еще просила; я, конечно, все обещал. Да Боже мой, разве возможно отказать такой женщине?! Меня слегка напрягало, что я так легко забыл свои клятвы, или, вернее, сами клятвы-то я помнил, а вот по поводу чего... Но, с другой стороны, ведь всегда можно переспросить. Если бы я только знал, как скоро...

Проснувшись утром, я тихо встал с кровати, чтобы не разбудить еще дремлющую жену. Поставив чайник, я прошел в ванную, умылся, почистил зубы, выйдя, вновь завернул на кухню взять все необходимое для романтической подачи кофе в постель. Но, видимо, шум воды или скрип двери разбудил Наташу. Она уже открыла глаза и сладко потягивалась, когда я вошел.

– Доброе утро, милый... – Договорить она не успела: взглянув на ее лицо, я выронил поднос. Чашки вдребезги, сахар рассыпался по полу, сгущенное молоко медленно вытекало из уцелевшей розетки... Губы моей жены были перепачканы подсохшей кровью!

Она все поняла. Подхватив халат, опрометью бросилась в ванную, а через пару минут сквозь плеск воды мне слышались сдавленные рыдания. У меня самого был такой шок... Я всерьез задумался о том, каково интеллигентному человеку в действительности связать свою жизнь с настоящей ведьмой. Происходящее начинало слегка действовать

на нервы, а если честно, то я впервые почувствовал признаки скользкого, безоглядного страха... Потом мне стало стыдно. Мои покойные родители никогда не простили бы своему мальчику трусости. «Сон разума рождает чудовищ...», по знаменитому офорту Гойи. Разберись, а уж потом бойся, если и вправду есть чего. В действительности ни один мир не в состоянии показать нам таких ужасающих монстров, которых рисует наше же воображение. Не знаю, как я должен был поступить в данной ситуации: устроить допрос с пристрастием, все простить и забыть навеки, просто пожалеть, немедленно развестись, отправить ее в монастырь на покаяние или в научный институт для серьезного изучения... Не знаю. Ясно было одно – ей плохо. Я пошел в ванную. Она сидела на холодном кафельном полу, закрыв руками лицо, и тихо по-девчоночьи редела. Я сел рядом, силой подтянул ее к себе, и на моей груди она разрыдалась еще более бурными слезами. Возможно, я что-то говорил, как-то пытался утешить... Все слова забылись, вряд ли они были важными и многозначительными. Те, у кого на руках хоть раз безоглядно плакала любимая женщина, меня поймут. Можно говорить все, что угодно, значение имеют не сами слова, а их тональность. Я убаюкивал ее своей неуклюжей лаской, и вскоре Наташа притихла, лишь иногда судорожно-нервно вздыхая. Мне не хотелось ее расспрашивать. Если она так рыдала, то, значит, положение на самом деле куда хуже, чем я мог бы предполагать...

Она отводила взгляд, словно боясь прямо посмотреть мне в глаза. Я легко поставил ее в ванну и заставил принять теплый душ. Сам растер полотенцем, обернул в махровую простыню и на руках унес в кухню. Она все время молчала, но, когда я попытался усадить ее на табурет, чтобы налить чаю, тихо попросила:

– Не отпускай меня, мне страшно...

Тогда я осторожно сел сам и постарался поуютнее устроить ее на моих коленях.

– Расскажи, тебе легче станет.

– Но ты же видел... ты же сам все видел...

– Не надо. Не кричи и не плачь больше. Я не брошу тебя одну. Только, пожалуйста, расскажи мне все...

– Я... я же почти ничего не помню... – сбивчиво заговорила она, шмыгая распухшим от слез носом. – Там был город... мы куда-то бежали стаяй. Потом я отстала, мне почудился запах страха из дверей какого-то дома. Я вошла... город давно заброшен, там никто не живет, но здесь оказалась девочка. Маленькая, очень худая и бледная, лет пяти... Она испугалась и закричала. Кажется, на ее крик пришли другие волки, те... оборотни.

– Что было дальше?

– Не знаю... не помню... я не могла... Боже мой, неужели на моих губах была ее кровь?!

Наташа смотрела на меня совершенно безумными глазами, а я не знал, что ей ответить. Наверное, она надеялась

на то, что я большой, умный и сильный, что все само собой как-то исправится, сладится, изменится, если еще крепче прижаться ко мне, то все снова станет хорошо. Я гладил ее по голове, как ребенка, которому приснился страшный сон.

– Сережа! У тебя дрожат руки...

– Я знаю, любимая... не обращай внимания, это нервы.

– Ты... из-за меня?

– Конечно. Я, наверное, никогда не смогу не принимать твои проблемы близко к сердцу. Я волнуюсь за тебя...

– Завтра луна пойдет на убыль.

– Слабое утешение... А что мы будем делать в следующем месяце?

– Не знаю...

– Послушай, – вдруг вспомнил я. – Но ведь астрономически полнолуние длится лишь одну ночь, если быть точным, даже несколько часов. Почему же ты превращаешься в волчицу уже почти неделю?

– Это зов. Пока глаз человека видит полную луну – Силы Тьмы берут свое. Обычно именно семь дней каждого месяца мы приобретаем возможность перекидываться в зверя. Хотя я... о чем я говорю? Какая возможность? Можно подумать, что кто-нибудь спрашивает наше мнение... Чужая воля безжалостно превращает меня в волка и выбрасывает в неведомый мир. Любимый, – Наташа вновь пристально взгляделась мне в глаза, ее черты исказились болью, – я не могла убить ребенка! Ты веришь мне?

– Верю.

Я не лгал ни ей, ни себе. Где-то глубоко в подсознании зрела твердая уверенность, что моя жена ни в чем не виновата. Да, кровь... Да, на ее губах... Да, она – ведьма. Но она моя жена, и я буду последним подонком, отказывая ей в помощи и защите. Что-то не так в том неведомом мире. Разберемся без суеты...

* * *

– Не отпускай меня туда, ладно? – по-детски наивно просила Наташа. Мы по-прежнему сидели на кухне. Она уже успокоилась, слезы высохли на щеках, и только припухшие веки выдавали, сколько ей пришлось сегодня плакать. Я заставил ее немного поесть, достав из холодильника остатки рыбного салата и помидоры. Помидоры вообще были ее слабостью. Она рассказывала, что однажды, читая книгу, в течение полутора часов неторопливо съела целое ведро ярко-красных «яблоков любви». Думаю, это было правдой, в дни ее плохого настроения я покупал хотя бы один помидор и сразу становился в ее глазах самым замечательным мужем на свете. После кофе она еще раз повторила:

– Я не хочу туда больше, я боюсь...

– Девочка моя, нас никто не сможет разлучить. Мы что-нибудь придумаем. Обязательно должен быть способ как-то избавиться от этого проклятия. Давай поищем по библиотеке

кам, я прочел массу умных книг, что-то подобное там наверняка встречалось, просто надо вспомнить и найти. Этой ночью я крепко-накрепко прижму тебя к себе и ни за что не отпущу!

– А если я превращусь в волчицу?

– Тогда я тебя поцелую, и проклятие злой колдуньи развеется как дым!

Она улыбнулась вместе со мной:

– Ах, Сережка, какой же ты все-таки родной...

– Стараюсь... налить еще чашечку?

– Ага, с лимоном, пожалуйста.

Я встал у нее за спиной, зажег газ и... увидел застрявший в Наташиных волосах клочок серой шерсти. Волчья? Не долго думая, я вытащил его и бросил в пламя горячей конфорки! Шерстинки мгновенно сгорели, оставив в воздухе удушливый запах...

– Что ты сделал?

– Там у тебя зацепились несколько волосков волчьей шерсти и...

– Ты их сжег?! – Наташа мгновенно вскочила с табуретки, схватила меня за грудки и совершенно безумным голосом закричала: – Что же ты наделал?! Дурак... Господи, какой же ты дурак! Это... этого нельзя... Ты ведь погубил меня, понимаешь?! Я – ведьма, оборотень, а ты сжег мою шерсть...

– Глупости! Успокойся, пожалуйста. Уверяю тебя, ничего страшного не произошло. Сейчас я открою форточку, и весь

запах уйдет...

– Зов... опять зов... – Она отвела взгляд, ее слова становились все тише и тише. – Ты опоздал... вернее, мы опоздали... Сережа, Сереженька, Сережка мой... прощай, любимый!

В ту же минуту она исчезла. Просто как будто никогда и не стояла рядом. Я обмер... Все произошедшее было слишком нереальным для того, чтобы в это можно было поверить. Не мог же я в самом деле воспринять всерьез непонятное исчезновение собственной жены только из-за того, что какой-то клочок собачьей или волчьей шерсти сгорел в синем пламени газовой конфорки? Это... глупо, в конце концов! Мне совсем не улыбается отождествлять себя с недалеким Иваном-царевичем, поспешно спалившим лягушачью шкурку в русской печи. Тем более что ему-то, оказывается, лишь три дня подождать надо было. А в моем случае сроки значения не имели.

В какой-то тупой растерянности я опустился на табурет и просидел так не меньше часа. Все мысли неуклонно сводились к одному – ее здесь нет. Дальше – больше... Я начал нервничать. Что, если в ее исчезновении действительно виноват только я? Где она? Куда пропала? Когда теперь вернется и вернется ли вообще? Почему она со мной попрощалась?.. В том же отупелом состоянии я прошел к холодильнику, достал начатую бутылку водки и вернулся к столу. За ним уже сидели двое. Белый и черный. Оба с крылышка-

ми, у одного на манер лебединых, у другого – типа нетопыря. На лицо совершенно одинаковые, как близнецы, различались лишь цветом волос и прической. Белый – с роскошными льняными кудрями, художественно спадающими на плечи. Волосы черного гладко зачесаны назад, открывая большие залысины у висков, и перехвачены резинкой на затылке. Оба в длинных одеждах, у одного серебристо-белая парча, у другого – «мокрый шелк» иссиня-черного цвета. Мне было все равно, я уже во все верил. Такое бывает в двух случаях: либо переутомление мозгов, либо пьяные галлюцинации. Скорее первое, так как еще не пил вроде...

– Водочка? Разливаем на троих! – с ходу предложил черный.

– На двоих, – поправил белый. – Лично я пить не буду и ему не советую. Такая мерзость...

– Не слушай его! – подмигнул мне черный. – Давай хряпнем по маленькой. Кровь разогреем, а этот зануда пусть завидует...

– Фармазон! Тебе должно быть стыдно! У человека горе, а ты на что его толкаешь? Ох и любите вы все прибираться к рукам заблудшие души... стоит бедолаге хоть один раз споткнуться – ты уж тут как тут!

– Слушай, Циля... – угрожающе нахмурился тот, что с хвостиком. Только теперь я обратил внимание на маленькие рожки у него на лбу.

– Анцифер! Прошу обращаться ко мне по полному име-

ни, – вежливо, но твердо потребовал его оппонент, и нимб над его головой засиял, как неоновая реклама. Я вздохнул, развернулся и направился в комнату. Когда в твою квартиру запросто приходят черт с ангелом обсудить собственные проблемы – еще полбеды, но если ты пытаешься с ними общаться – это уже шизофрения. Спасибо, я пока в своем уме...

– Эй, ты куда?

– Вот видишь, до чего человека довел...

– Ну ладно, сам уходишь, бросаешь гостей, хорош хозяин... но бутылку-то зачем уносить?!

– Стыдись!

– А чего? Он же сам ее достал, чего же теперь заживать?!

– Сергей Александрович! – Тот, что в белом, догнал меня на пороге комнаты и извиняющимся тоном попросил: – Вы уж не сердитесь на нас, вернитесь, пожалуйста. Простите, Христа ради, что без приглашения, но ведь, с другой стороны, и обстоятельства чрезвычайные. Вы вот переживаете очень, а психика у поэтов такая ранимая... Не приведи Господи, руки на себя наложите, как же можно?

– Можно, можно!.. – донеслось с кухни. – Валяй, Серега, не трать времени на болтовню. Семь бед – один ответ! Все равно тебе с твоими грехами Рая не видать как своих ушей, редактора стихи зажимают, серьезная поэзия в упадке, народ больше «чернуху» читает – ради чего жить? Иди сюда.

Давай выпьем, а потом я тебе покажу, как петлю со скользящим узлом на гардины ладить.

Это меня добило. Я очень незлобивый и добропорядочный человек, но когда собственные галлюцинации перешагивают все границы и начинают над вами же издеваться...

– А не пошли бы вы оба?..

– Что?! – Они так удивились, что у белого захлопали ресницы, а у черного встал дыбом хвостик. Какое-то время мы троим пристально разглядывали друг друга.

– Циля?

– Анцифер!

– Не важно, отбросим формальности... По-моему, он в нас не верит.

– Ничего удивительного, у человека большое горе...

– Ха! Да он первый мужчина в мире, считающий исчезновение собственной жены горем... Другой бы на его месте уже отплясывал румбу от счастья!

– Какой ты все-таки циник, Фармазон!

– Но ведь она же ведьма?!

– И что с того? Он ее муж, а как сказано в Писании: «Жена да спасется мужем своим...» Сергей Александрович, ну пройдемте же на кухню. Там у вас уютно, я, признаться, и чайничек успел поставить. Фармазон, выключи, слышишь – свистит?!

– Ну на фига ему чай? Циля, давай...

– Мое имя – Анцифер!!! – грозным, но тонким голосом

взревел тот, что в белом, а нимб над его головой принял цвет раскаленного железа. – Я требую от тебя, нечистый дух, должного уважения и соблюдения элементарных норм вежливости!

– Ша! Ладно, ладно... не горячись! – примиряюще поднял руки вверх черный. – Что я такого сказал? Ну хорошо, я жутко извиняюсь... Все довольны? Просто мне тоже хочется помочь человеку, он же так и не выпускает из рук эту несчастную бутылку. А ну, поставь ее на стол!

– Ребята, у меня жена пропала, – неожиданно для самого себя сказал я. Близнецы сразу прекратили пререкания. Белый усадил меня на табуретку, а черный, завладев наконец вожацкой водкой, быстренько раздобыл рюмочки, заботливо разлил на троих и даже ухитрился успеть намазать бутерброды.

– Позвольте представиться – Анцифер. Светлый дух, прообраз ангела-хранителя, некая чистая и возвышенная субстанция вашей собственной души.

Я был слишком потрясен исчезновением Наташи, чтобы хоть для вежливости изобразить некоторое подобие удивления. Поэтому просто кивнул.

– Фармазон! – хлопнул меня по плечу второй. – Все то же самое с точностью до наоборот. Темный я... Все, что есть в вашей душе грязного, низменного и порочного, в моей высокой компетенции. Ну, так чего ждем, Александрыч? Давайте-ка все по маленькой в честь знакомства.

Я автоматически чокнулся с ними, опрокинул рюмочку и закашлялся. Водка не моя стихия, в холодильнике ее держали исключительно как растирание от простудных заболеваний. Анцифер пил медленно и деликатно, не забыв себя осенить крестным знаменем. Фармазон же, наоборот, тяпнул с лихостью и удальством, говорившим о большом опыте. Я посмотрел на одного, на другого... Черт и ангел, добро и зло, свет и тень, водка и белая горячка. С одной-то рюмки? Я обхватил голову руками...

– Может, споем? – предложил черный.

* * *

К обеду мы были уже закадычными друзьями. Правда, водку приканчивал в основном Фармазон, каждый раз зверски ругая нас с ангелом за «сопливую интеллигентность» и регулярно утверждая, что он не алкаш в одиночку пить. Но мы были непреклонны, налили еще по стопочке, а больше – ни-ни... Стоп – самое главное! Они сказали, что могут мне помочь.

– Нет, вернуть твою Наташу мы не можем, но если Циля... пардон! Анцифер готов обеспечить нам свободное продвижение в Темных мирах, то я бы предложил рискнуть.

– Фармазон, как всегда, недоговаривает, – задумчиво ответил белый дух, когда я с надеждой повернулся к нему. – Моя задача сохранить и приумножить все светлое и доброе

в твоей душе, а Темные миры отнюдь тому не способствуют. Почему туда попала твоя жена? Потому что она ведьма, оборотень. Суть – нечисть...

– Блин! Циля, человек просит твоей помощи, а вовсе не интересуется твоим мнением о его супруге!

– Примите мои извинения, Сережа... возможно, я несколько погорячился. Но на самом деле вся проблема в том, что, как дитя света, я могу лишь вытаскивать тебя из критических ситуаций, но никак не толкать в них же.

– Не понял...

– Короче, Серега, – наклонился ко мне черт. – В неприятности тебя втравливаю я. Эй ты, мотылек белобрысый, ты ведь именно это хотел сказать?! Правильно, все так и есть... В общем, в Темные миры я тебя отправлю одной левой, но вот вернуть обратно не смогу... Ибо это был бы уже хороший поступок! Так что твой обратный билет – вот этот занудливый тип в белом. Если ты его уговоришь, тогда по рукам.

– Анцифер, пожалуйста, поедemте со мной.

– Сереженька, ну как же я могу?! Я тебя оберегать должен от таких поступков, а вместо этого пушусь шнырять в одной компании с чертом с целью розыска ведьмы?! Ты представляешь, что поднимется наверху? Да меня уволят в один момент или разжалуют в какого-нибудь музейного хранителя лет на четыреста.

– Простите, – извинился я. – Конечно, это моя пробле-

ма и с моей стороны было бы крайне эгоистично настаивать на вашем участии в этой экспедиции. Тем более что последствия действительно могут оказаться для вас печальными и необратимыми. Я пойду с Фармазоном.

– Вот и ладушки! – обрадовался нечистый дух. – Только давай переоденься по-быстрому, а то в майке, спортивных штанах и тапочках у тебя не совсем походный вид.

– Минуточку! – вмешался ангел. – Ты что же, собрался уйти в Темные миры в обнимку с этим рогатым интриганом и надеешься вернуться?! Да он погубит тебя при первом же удобном случае, а потом еще получит награду в Аду за успешно проведенную операцию. Нет, дорогой друг, один ты с ним не пойдешь!

– А не фига было выламываться! – взвился Фармазон. – Поздно, батенька, поздно... Он уже все решил. Пойдем, Серега! Ты увидишь, кто тебе друг, а кто... хвост собачий.

– Сергей, не смейте!

– Ха-ха-ха! А шишулю под носулю?..

– Да прекратите же вы оба! – прикрикнул я, хлопая ладонью по столу, спорщики разом прервали диспут, уставясь на меня со здоровым недоумением. – Фармазон, если вы действительно способны отправить меня туда, куда унесло Наташу, сделайте это сию же минуту! Анцифер, если вы не со мной, то, будьте добры, приглядите за квартирой и отвечайте на телефонные звонки. Меня могут спрашивать из издательства. Свою жену я отыщу сам, ничьей помо-

щи в данном случае не требуется. Так что, сделав свое дело, ваш оппонент может вернуться сюда же и вновь продолжить спор, который ведется с начала мироздания. Но меня – увольте! Слушать ваши вечные препирательства, когда ей, быть может, требуется моя помощь... Я пошел одеваться.

Увидев меня через некоторое время, мои гости сначала ахнули, а потом повалились на стол, задыхаясь от дикого хохота... Если бы они не были бессмертными, то наверняка бы умерли от смеха! Я стоял дурак дураком в своем лучшем костюме настоящего турецкого производства, дорогих ботинках, серой рубашке с воротником-стойкой и строгим галстуком на шее. Еще у меня был с собой зонт, на всякий случай пальто и шапку я еще не надел. Анцифер, едва дыша, всхлипывая, почти лежал на столе, из его глаз катились крупные слезы. Фармазон сполз с табуретки на пол, уже не в силах смеяться, а лишь тихо повизгивал, схватившись за живот. Ей-богу, я был готов обидеться... Ангел пришел в себя первым:

– Простите, Христа ради... очень прошу, простите нас, Сереженька, но... Ой, не могу, хи-хи-хи...

– Не, не... Серега, все о'кей! – размазывая по щекам счастливые слезы, выдохнул нечистый. – Вот так и отправляйся... Там... тамошние дамы упа... упи... от восторга! Гы-гы-гы...

Я, улыбаясь, пожал плечами. Во-первых, глядя на их веселье, и самому не давиться от смеха было почти невозможно. Во-вторых, мама всегда учила меня, что если впервые идешь

в гости в малознакомое общество, то лучше все-таки выглядеть поприличнее.

– Так я был одет в тот день, когда мы познакомились... Что-нибудь не так?

– Уф, все так... Шут с ним, Анцифер, пусть идет. Там, на месте, переоденем во что-нибудь соответствующее эпохе.

– Справедливо. Что-то мы и в самом деле чересчур развеселились. Разве можно было ожидать, что он явится в рыцарских доспехах или герцогском камзоле с буфами, бобровой оторочкой и золотой цепью на шее?

– Факт, тогда бы мы валялись на полу не от смеха, а от удивления. Все в порядке, Лександрыч, не серчай на нас.

– Да ладно...

– В самом деле, Сергей, не сердитесь, пожалуйста. Я попробую объяснить вспышку нашего несанкционированного веселья, – окончательно успокоился белый ангел. – Все дело в том, что Темные миры являют собой хаотическое нагромождение пространств, эпох и вселенных. Можно перемещаться почти свободно из одного времени в другое. Для определенных времен ваш элегантный костюмчик может показаться... как бы несколько оригинальным, что ли... Хотя, с другой стороны, возможно, ваша дражайшая супруга отыщется на первом же перекрестке, тогда вообще не возникнет никаких проблем.

– Анцифер, вы постоянно сбиваетесь с «ты» на «вы» и наоборот. Мы ведь вроде договаривались, обращайтесь ко мне

на «ты», как Фармазон, – предложил я.

– Да, спасибо. Я так и стараюсь, но когда волнуюсь, то всегда немного путаюсь.

– Циля, ты лучше бы не пудрил мозги парню, а дал мне возможность самому рассказать ему про Темные миры.

– Да ради Бога, Зоня...

– Кто?! – аж побурел черт.

– Зоня или Фарик, как тебе больше нравится? – невозможно ответил ангел. Фармазон попыттел, собираясь с достойным ответом, потом махнул рукой и переключился на меня:

– Темные миры суть лишь отражение или отображение реально существующего мира, но растянутое во времени и пространстве. Я, естественно, имею в виду тот мир, где ты в настоящий момент проживаешь. Он один, для тебя. Для нас – один из многих. Свет, ложась на предмет, заставляет его отбрасывать тень. Присутствие истинного Бога в вашем мире породило тысячи лжебогов в так называемых «тенях». Мы именуем их Темные миры. Их множество, отличаются от вашего лишь чуть измененной трактовкой знаменательных событий. Например, в одном шотландцы победили Карла и завоевали всю Англию. В другом не прошла Великая французская революция. В третьем Ленин провалился под лед и утонул при попытке перехода Финского залива. В четвертом Вторую мировую выиграл Китай. В пятом Америка подорвалась на своих же ядерных ракетах, ну и так да-

лее.

– Общая суть мне понятна, – кивнул я. – Но где конкретно вы посоветуете мне искать Наташу?

– Вот это самый сложный вопрос. Она ведьма, значит, вполне возможно, что ее выбросит в те миры, где магия победила науку. Без колдовства оборотням не выжить. Я бы предположил черное средневековье, времена первых крестовых походов, языческую Русь, засилье инквизиции и даже древние храмы ацтеков.

– Еще вуду в Африке, – вставил Анцифер.

– Да, и вуду, конечно... Ее могло выбросить в любую из этих «теней». При правильной организации поиска наши шансы на успех где-то три к ста сорока. И то только в том случае, если этот чистоплؤй будет вытаскивать нас за уши из слишком криминогенных зон. Хотя я был бы готов на время забыть свою злопакоcтную натуру и дать добрый совет. Серега! Да мало ли баб на свете?! Одной больше, одной меньше?... Хочешь, я сам тебя с тако-ой девочкой познакомлю...

Я сжал кулаки, но Анцифер остановил меня:

– Сережа, будь по-вашему, я иду.

* * *

– Значит, так... – продолжали уже получасовую консультацию полярные стороны моей души. – Старайся не выде-

ляться из толпы. Ничего не трогай и никуда не лезь. Знание языка даруется автоматически. С пониманием местных законов, обычаев и традиций кухни – несколько сложнее, но ты ведь изучал историю в школе? Вот и ориентируйся по эпохе. В случае чего мы, конечно, рядом. Только не жди от нас чисто физической помощи – мы советчики. Темный и светлый, но все же советчики...

– Ребята, один вопрос, почему она вообще пропала? Это из-за того, что я сжег тот злосчастный комочек волчьей шерсти?

– Скорее всего, да, – подумав, ответил ангел. – Ты же знаешь подобные параллели в русских сказках. Главный герой сжигает лягушачью кожу, змеиную шкурку или утиные перья, а результат всегда один – возлюбленная исчезает с упреками...

– Не забыв уточнить, где конкретно ее следует искать! – ехидно вставил Фармазон. – Ох уж эти женщины... Разыгрывают целые спектакли, а мы, лопухи, верим...

– Видимо, все дело в том, – строго глядя на перебившего его черта, продолжил Анцифер, – что, уничтожая в этом мире какую-то часть оборотня, принадлежавшего, пусть даже временно, иному миру, мы нарушаем саму структуру пространственно-временных отношений. Огонь вообще очень мощная силовая единица в борьбе с любым видом магии. Недаром святая инквизиция во все века предпочитала костер топору и веревке. Вода лишь смывает с человека по-

следствия воздействия тех или иных сил, огонь же уничтожает их полностью.

– Предлагаю эксперимент! – вновь влез в разговор неугомонный Фармазон. – Зажигаем газ, а в качестве подопытного кролика используем нашего общего друга...

С этими словами он неожиданно ловко вырвал перышко из белоснежного крыла ангела и сунул его в синеватый пламень. Анцифер даже вскрикнуть не успел – миг, и ангела не стало!

– Ну что, пошли?

– Куда? – опешил я. – А как же...

– Ерунда! – успокоил черт. – Он сейчас в своем мире, в Раю, у престола Господа. Не волнуйся, если что, нагонит в дороге. Да не тяни же, Серега! Ты намерен спасти свою жену или нет?!

– Да. Идем, – решил я. Нечистый довольно улыбнулся, взял меня за руку и повел в прихожую к двери.

– Так-с... значит, если хлопнуть – замок сам защелкивается. Ключи не забыл? Тогда вперед.

Он толкнул меня в дверной проем, сзади раздался характерный звук сработавшей «собачки», а перед нами... Господи Боже, где мы? Нас перенесло в глубокую ночь, на небе горели незнакомые созвездия, и серп луны отсвечивал оранжевым. Мы находились в каком-то поле, впереди, прямо нам навстречу, двигалась непонятная процессия. Мрачная колонна людей с горящими факелами что-то несла, распевая

тягучую песню. Они были одеты в длинные черные балахоны с капюшонами и производили несколько траурное впечатление.

– Похоже на Испанию средних веков, – хладнокровно пояснил мой спутник. – Крестный ход, что ли? Ты бы поинтересовался тут насчет своей Наташи. Если это и вправду монахи ордена иезуитов, то они должны знать обо всех оборотнях, рыщущих окрест.

Послушавшись его совета (ей-богу, все повествование могло закончиться на этой фразе), я смело шагнул вперед:

– Добрый вечер, господа монахи!

Колонна остановилась как вкопанная. Впередиидущие сбились с шага: по-видимому, появление незнакомого человека у них на пути было большой редкостью. Через минуту отделились двое и настороженно шагнули ко мне:

– Что тебе нужно, колдун?

– А... извините за беспокойство, – не сразу нашелся я: они просто сбили меня с толку таким обращением. – Дело в том, что я впервые в ваших краях...

– Говори, что тебе нужно, проклятый колдун! – грозно возвысил голос один, а другой махнул рукой остальным монахам. Прежде чем я собрался с ответом, меня взяли в кольцо горящих факелов.

– Господа? Товарищи? Граждане? Братья? О! Братья! Я вовсе не колдун, я поэт, к тому же из другого мира. У меня пропала...

Договорить мне не дали. Люди в капюшонах резко бросились вперед и без боя взяли меня в плен. Почему без боя? Ну, во-первых, я не сопротивлялся, во-вторых, их все равно больше, а в-третьих, попытавшись воззвать за помощью к Фармазону, я обнаружил полнейшее отсутствие такового! Какой смысл драться в одиночку? Мне стянули руки за спиной, завязали полоской ткани рот и бросили в мрачную черную телегу типа катафалка, запряженную двумя дряхлыми лошадьми. Процессия поволоновалась еще немного и вновь продолжила свой путь. Я чувствовал себя... неплохо. Знаете, мне казалось, что могло бы быть и хуже. А так... они идут – я еду, они дышат пылью, поднимаемой сотней ног, – я же свежим ночным воздухом, они наверняка промаршируют всю ночь, а я могу позволить себе вздремнуть. Покачивания телеги так убаюкивали... Почему бы и нет? В жизни пленника есть свои приятные моменты, и я не преминул ими воспользоваться. Сны были сумбурными... То Наташа в красном платье с открытыми плечами скакала верхом на поджаром доге во главе стаи волков, то черт Фармазон долго объяснял мне разницу между теорией и практикой иудаистской религии времен императора Нерона, то я сам с кем-то играл в карты, а потом стрелялся на дуэли из-за женщины, которую в глаза не видел, к тому же меня, кажется, там и убили. Всего не упомнишь, обрывки какие-то... Проснулся уже поздним утром, сказывалось нервное перенапряжение, обычно я встаю не позже восьми. Причем, проснувшись, открыл глаза

уже не в телеге, а в каменном сыром подземелье, на охапке соломы, без всяких веревок, вполне выпавшийся. В принципе, особенных волнений не было. Все-таки я много читал и, как оказалось, вполне логично решил, что меня в любом случае сначала допросят. Так и произошло. Вскоре раздался скрежет отодвигаемых засовов, и в камеру вошел благообразный старичок в белой рясе с откинутым капюшоном в сопровождении двух дюжих стражников.

– Встаньте, сын мой.

Я подчинился, почему бы и нет. Старец недолго, но внимательно вглядывался в мои глаза, потом его лицо смягчилось, он покачал головой и вынес вердикт:

– Этот человек не колдун.

– Конечно нет. – Я попытался завязать беседу. – Вы, по-видимому, священник? А я писатель, в смысле – поэт... или как там по-вашему... Бард? Менестрель? Так вот...

– Вы – язычник? – переспросил старик.

– Нет, как можно. Я – православной веры. В смысле – христианин. Просто у меня сейчас некоторые проблемы... Видите ли, я женат на ведь...

– Накормите его, – даже не дослушав моих слов, приказал старик. – А затем приведите в зал суда.

Все трое развернулись на выход. Вскоре после того, как они ушли, в камеру заглянула невысокая женщина преклонных лет. Она положила передо мной черный хлеб и поставила кружку с теплой водой. Я поблагодарил. Она по-

качала головой, пробормотала что-то вроде: «Бедняжка, да за что ж такого молодого...» – и ушла.

– Все это фигня! – раздался ворчливый голос сзади. – Ничего они тебе не сделают... У них доказательств нет! Че там принесли? Хлеб и вода? Ба, какое ужасающее скупердяйство! Узник твоего ранга не должен так питаться. Серега, не унижайся, дай сюда!

– Э-э-э, минуточку! – Я успел спрятать горбушку за спину, и крючковатые пальцы Фармазона схватили пустоту. Нечистый дух поморщился, философски вздохнул и критическим взглядом обвел стены моей темницы:

– Да... не «Гранд-отель», что-то сыровато у тебя здесь, братец...

– Это точно, но мне кажется, ты хотел поговорить о другом.

– О чем? – мило удивился он, а у меня откуда-то появилось желание молча ударить кулаком промеж этих наивно-невинных глаз. С трудом сдержав свой недостойный порыв, я напомнил:

– Ты хотел рассказать о том, почему бросил меня одного на дороге. Я по твоему совету попытался выяснить, что почему, так меня окружают, вяжут, везут неизвестно куда, бросают в тюрьму, а тебя нет как нет! Кто вообще втравил меня в эту авантюру?!

– Стыдно задавать провокационные вопросы голодающему, – попытался перевести тему Фармазон.

– Ту не манж па сис жур? – подковырнул я. – Подайте бывшему члену Государственной думы!..

– Ты че прицепился? Че я тебе сделал?

– Ты меня бросил!

– Ну ни фига себе... Там прется толпа католических монахов с гробом и святыми мощами, у каждого на шее крест, в кармане Библия, во фляжке святая вода – и я же еще должен был им показываться?! Что ж я, сам себе враг? Да любому черту святая вода хуже, чем человеку серная кислота натошак! Я обещался тебя сюда провести?.. Провел. А что я голову положу за твое семейное благополучие – мы не договаривались!

– Ну ты и жук... – с невольным восхищением протянул я. – Оставил меня одного с агрессивными священнослужителями, сам в кусты и носу не кажет, а как только дело к завтраку, сразу набежал на готовенькое?

– Жмот! – обиделся Фармазон.

– Ничего не знаю, это моя тюремная пайка. Вот тебя посадят, тогда и получишь.

– Стыдно... стыдно! А еще культурный человек называется... Поэт! Слово-то какое, если вдуматься... высокое слово. Член Союза писателей! Тьфу, да за что ж тебя так обозвали... Ладно, Сергей Александрович, чего вам, собственно, от меня надо?

– Ничего, – бросил я, демонстративно откусывая кусок горбушки.

– Как ничего? – опешил он.

– А так. Я прозрел. У меня на многое открылись глаза. Я же христианин, помнишь? Мне от нечистого, с рожками и хвостом, ничего не надо.

– Э-э-э... ты, того-этого, не дури! Все понимаю, жена бросила, в дороге устал, кормежка свинская, чего не наговоришь в таком состоянии... Не волнуйся, я с тобой. Не горюй, Сергунь, шас быстренько чего-нибудь сообразим. Мы ж вдвоем сила! Ты только меня держись, не пропадешь.

– Ах, Фармазон, Фармазон, опять туманишь голову нашему дорогому хозяину. И за что нам тебя дали, чем мы такое наказание заслужили? Неисповедимы пути Господни...

* * *

Позади меня, грустно улыбаясь, стоял белый ангел. Сначала я обрадовался, а потом мне стало стыдно. Анцифер понимающе вздохнул:

– Все мы когда-нибудь совершаем ошибки. Вы не исключение... Не берите в голову, Сергей Александрович, я никого не упрекаю. Мне отлично известно, кто толкнул вас на столь опрометчивый шаг.

– Анцифер... мне, право, очень неловко...

– Не извиняйтесь! Не стоит, я давно все забыл... Одного не пойму, как вы поверили этому проходимцу?

– Я прошу прощения.

– Да не за что!.. Ради Бога, какие разговоры, мы же свои люди... Фармазон на ваших глазах выдергивает у меня пук перьев...

– Какой пук?! Че ты врешь-то? – взвился молчавший до селе черный братец.

– Анцифер, извините меня, пожалуйста.

– Нет, нет, что вы... Какие могут быть извинения?! И слышать ничего не хочу. Просто я считал вас интеллигентным человеком, а вы меня равнодушно бросаете...

– Ну, извините же...

– Сереженька, да ради всего святого, о чем вы говорите? Я ни капельки на вас не сержусь. Вы молоды, наивны, возможно, даже не слышали о разнице между Добром и Злом. Это, должен признать, весьма зыбкая грань. Поэтому ваш поступок поверг меня буквально в шок и...

– Анцифер, я в последний раз прошу вас принять мои извинения! – уже едва сдерживая раздражение, зарычал я. – В противном случае мне придется применить физическую силу.

– Что? – поразился ангел.

– В глаз получишь, вот что! – доходчиво объяснил черт. – Циля, ты своим занудством кого угодно в гроб вгонишь. Хозяин прав, он уже четверть часа перед тобой раскланивается, достаточно! Строишь из себя прокурора на Страшном суде...

Анцифер опомнился и покраснел. На какое-то время ка-

мера наполнилась напряженной тишиной. Я медленно разломил хлеб на три равных куска. Уж не знаю, как там кормят бесплотных духов, но эти двое управились со своими порциями меньше чем за минуту. Воду также поделили на троих.

– А теперь послушайте меня. – Анцифер стряхнул крошки с белоснежного одеяния и выпрямился, разведя руки в стороны, словно католический проповедник, читающий мессу. – Мы находимся в одном из множественных отражений Земли. Приблизительно конец шестнадцатого – начало семнадцатого века. Глухая область на севере Испании. Географические понятия, названия и даты будут весьма условны, как, впрочем, и везде... В плане политической обстановки здесь сейчас самое мрачное время. То есть для визитов в гости не подходит совершенно. Вся страна охвачена религиозным экстазом, происходит серьезная реформа Церкви, принявшая ввиду ряда причин чрезвычайно уродливые формы. Речь идет даже не о борьбе за чистоту веры, а о планомерном уничтожении всех инакомыслящих. Мне кажется, что Сергею не стоит здесь задерживаться. А ты молчи, нечистый дух!

– Вот те на?! Да я еще и рта раскрыть не успел, – праведно возмутился Фармазон.

– Вот и закрой, пока не раскрыл! По глазам твоим бесстыжим вижу, что ты хочешь вновь втравить парня в очередную авантюру.

– Ребята, мне не до споров, – вмешался я. – Тут пе-

ред вами какой-то благообразный дедушка заходил, сказал, что нужно показать меня общественности. Возможно, мне удастся выяснить – не видел ли кто Наташу?

– Это слишком опасно, Сережа, ты ведь не можешь открыто заявить, что твоя жена – ведьма... Здесь сжигают людей и за меньшие проступки. Поверь, мне очень жаль, но, возможно, будет лучше вернуться домой...

– Нет.

– Ну почему ты не хочешь послушаться доброго совета?

– Потому что я должен ее найти.

– Я попытаюсь объяснить еще раз... – с ангельским терпением продолжил Анцифер. – Боюсь, что местные инквизиторы не проявят должной лояльности к человеку, интересующемуся оборотнями. Ученых, занимающихся этим ради науки, здесь нет. На охотника за демонами ты не похож. При здравом обсуждении им остается одно – признать тебя колдуном, использующим силы оборотня в своих злодейских целях.

– Хорошо, я здесь ничего не скажу.

– Там – скажешь, – недобро процедил черт. – У них такие мастера, за пять минут вспомнишь все, что было и чего не было.

– Так зачем же ты меня сюда затащил? – впервые удивился я.

– Ну... во-первых, какая разница, с какого мира начинать? – пожал плечами он. – А во-вторых, я же все-таки

нечистый дух. Толкать человека на край пропасти – моя прямая обязанность. Нечего слушать было...

– В этом он весь, – подтвердил Анцифер. – Я думаю, нам пора уходить, здесь слишком опасно.

– Я не могу... Надо хотя бы спросить, быть может, эти люди все-таки что-нибудь слышали о моей жене?

– Сережа, вы преступно невнимательны, но будь по-вашему... Представьте, что я радикально настроенный служитель Церкви, а теперь объясните мне, чего вы хотите, не прибегая к словам «жена-ведьма», «оборотень», «двадцатый век», «прогрессивное человечество» и «лояльность по отношению к паранормальным явлениям».

Я открыл было рот и... задумался, задачка действительно оказалась непростой. Близнецы обменялись многозначительными взглядами. Вскоре заскрежетали засовы, и дверь запахнулась. В камере появился тот же самый душевный старичок в сопровождении монахов в черном и стражников с короткими копьями.

– Пойдемте, сын мой, вас уже ждут.

– Эти двое со мной.

– Кого ты имеешь в виду? – удивился старик, пытаясь заглянуть мне за спину.

– Ангела и черта. В смысле – светлую и темную сущность моего бытия... – Я было охотно пустился в объяснение, пытаясь познакомить вошедших с присутствующими, но Анцифер протестующе надул губы, а Фармазон скорчил такую ро-

жу...

– Вы что, не пойдете?

– Пойдем, Серега, как не пойти... Только ты не напрягайся – они все равно нас видеть не могут. Мы ж твои духи, а не общего пользования. Так что не тычь в нас пальцем – примут за опасного сумасшедшего.

Я оглянулся, судя по подозрительным взглядам стражей – это очень даже возможно...

– Э... господа, вы меня не так поняли. Я не псих. Я – поэт, философ, член Союза писателей, лицо, так сказать, имеющее определенную склонность к гиперболе, аллегории и ассоциативному мышлению.

Все, кто стоял в дверях, невольно шарахнулись назад, но храбрый старичок поспешил навести порядок:

– С нами сила Господня! Он ничего не сможет нам сделать, мы веруем! Да и не станет... У этого человека чистая душа.

– Анцифер, я что-нибудь не так сказал?

– М-м... Сереженька, вы, как бы это помягче... Они просто еще не осознают значения ваших слов, выражайтесь как-нибудь более демократично.

– Короче, будь проще, и люди к тебе потянутся, – веско добавил Фармазон.

Я кивнул и обратился к старцу, ибо он явно казался главным действующим лицом:

– Никакого волшебства, никакой магии, я весь в ва-

шем распоряжении. Не надо меня больше связывать, я сам пойду. «Веди меня скорей, безмолвный проводник, туда, где тень реки пересекает сушу. Туда, где, медный грош засунув под язык, я отпущу с земли свою больную душу...»

Это были последние строки одного из моих стихотворений, опубликованных в сборнике «Рождество». Я произнес их без всякого показного кокетства, просто ненавязчиво подтверждая род своей профессии. Тот старик, что все время за меня заступался, вдруг попытался что-то сказать и... не смог. Он судорожно открывал рот, смотрел на всех выпученными глазами, но не мог произнести ни звука. Кончилось тем, что бедняга выбежал вон, а следом за ним перепуганной толпой бросились и остальные. Лязгнули стальные засовы.

– Сереженька, вы это нарочно? – тихо спросил Анцифер, глядя на меня самым осуждающим взглядом.

* * *

– Блин горелый! Ну кто же знал, что он колдун?!

– Я не колдун! Я вообще ничего не понимаю. У этого пенсионера какие-то проблемы с голосовыми связками, нужно быть врачом-отоларингологом, да еще серьезным профессионалом в этой области, чтобы понять, почему у него пропал голос.

– Да потому, милый друг, что ты прочел заклинание!

– Я прочел стихотворение! И то не полностью... У за-

клиний, сколько мне известно, совсем другая вербальная структура. Они должны вызывать к определенным природным силам, обычно низшего порядка. Для этой цели используется узкоспециальная лексика и фразеология. К примеру, желательно употребление истинного имени демона, правильная формулировка его вызова, надежное ограждение себя, четко обозначенное желание заказчика...

– Все! Дальше можешь не говорить... костер тебе обеспечен! Цилия, ты только подумай, какого крупного авторитета в области черной магии мы с тобой выпустили в свет?! Он же в этом деле подкован круче меня!

– Глупости... – раздраженно отмахнулся я. – Просто много читал...

Фармазон всплеснул руками, открыл было рот, но передумал и молча плюхнулся рядом с Анцифером, уже добрых пять минут сидящим на полу с самым сокрушенным видом. Белый ангел после своей спонтанной реплики не произнес больше ни слова, он смотрел сквозь меня совершенно пустыми глазами и меланхолично накручивал на мизинец прядку роскошных волос. Я начал решительно ходить по камере взад-вперед. Десять на двенадцать, площадь довольно большая, жить можно... Тьфу, о чем это я?! На самом деле голова забита недавним происшествием. Я не очень верю в то, что мое стихотворение могло сработать как колдовское заклинание. Во-первых, этого просто не может быть, во-вторых, я нечто подобное уже читал, и даже неоднократно. Пом-

нится, у Спрег де Кампа герой изображает из себя колдуна простенькими стишками, формируя разные магические опыты. Или еще у Кристофера Сташефа некий студент-филолог пользовался безбожным плагиатом в мире, где любое рифмованное слово уже было колдовством. Так что все это дешевое повторение... Я – не колдун и, следовательно, ни в чем не виноват. Дайте мне найти свою жену, только и всего. Почему-то в глубине души у меня складывалось нехорошее впечатление о той роли, которую мне навязали в данном спектакле. Кто-то стоит над нами и дергает ниточки, передвигает нас на шахматной доске, бросает кости так, чтобы мы могли шагать лишь в строгом соответствии с выпавшими. По большому счету можно было бы счесть себя некой фигуркой на поле битвы Добра и Зла, но это, скорее, от тщеславия. Богу и Дьяволу наверняка больше нечем заняться, если уж они оба решили поразвлечься с такой скромной персоной, как я, посредством похищения моей жены. Все это бред и пропаганда! Но чье-то незримое участие все-таки чувствуется...

– Я пошел.

– ? – Оба подняли на меня усталые взоры. Ей-богу, иногда кажется, что близнецы воспринимают меня как капризного ребенка.

– Я пойду и сам поговорю с этими людьми. Они должны меня понять. Еще из школьного курса истории я помню, что в средние века монахи были одним из самых просвещен-

ных слоев населения. В монастырях часто скрывались ученые, алхимики, астрологи и врачи. Они не могут не внять голосу разума. Не захотят разговаривать о волках-оборотнях, не пожелают помочь в поисках жены – не надо. Обойдусь своими силами, пусть только выпустят.

– А... у... м... п... – хором попытались что-то пробулкать мои оппоненты, но поздно – я постучал в дверь. Ее открыли на удивление быстро, но лишь затем, чтобы сунуть мне под нос наконечники копий.

– Чего ты хочешь, колдун?

– Переговорить с вашим начальством, – послушно ответил я.

– О чем?

– О философском камне, превращающем любой металл в золото.

Стражники мгновенно сориентировались, кивнули и убежали с докладом. Пока все шло как по маслу. Поиски «философского камня» занимали умы не одного поколения средневековых магов, и уж если на этом деле кормилось столько шарлатанов, то современному человеку просто грех не сыграть на материальной заинтересованности руководящих лиц.

– Авантюрист! Спекулянт! Фальсификатор! – вдруг выкрикнул Фармазон, вскакивая с места и бросаясь на меня с кулаками. Анцифер мгновенно перехватил его за пояс, не слишком убедительно доказывая чисто медицински-

ми терминами мою полную психическую несостоятельность. Дверь опять заскрипела на петлях, и в проеме показался тучный мужчина в рясе с капюшоном, стражники топтались за его спиной. В отличие от предыдущих монахов, одежда этого толстяка была сшита из гораздо более дорогой ткани, а в руках он неуверенно сжимал массивное золотое распятие, богато изукрашенное драгоценностями. Колючие глаза из-под нависших бровей быстро прощупали меня, демонстрируя хватку опытного торговца «живым товаром».

– Эй, колдун, поклянись своей пропащей душой, что ты не причинишь мне вреда!

– Клянусь, клянусь, – охотно согласился я.

– Тогда иди за мной, Совет пожелал выслушать твои предложения. Но если ты лжешь – наказание будет столь страшным, что сама смерть покажется милосердием.

– Господи, ну не надо меня шантажировать! Я тихий, скромный турист, в ваших краях проездом, зла никому причинять не собираюсь. Давайте договоримся... Вам нужно золото – буду рад поэкспериментировать. Мне же понадобится транспорт и свобода перемещения для организации поисков пропавшей супруги. Если вы захотите мне помочь – мы придем к взаимовыгодному компромиссу.

– Как решит Совет. Золото, отданное в руки Церкви, помогает нам простить многие грехи слабого человека. Не обмани нас... – И толстый монах кивком головы приказал следовать за ним.

Мы шли по темноватому коридору, стражники дышали мне в спину, о чем-то оживленно переговариваясь. Копье самого молодого дважды осторожно коснулось моего плеча, даже не из желания причинить боль, а скорее от детского любопытства – вдруг я все-таки настоящий колдун и совершу какое-нибудь волшебство? Стражники постарше снисходительно одергивали парня. Мы вышли из подземелья на широкий двор, светило теплое солнышко, после сумерек тюрьмы небо казалось невероятно синим, а воздух свежим. Вокруг слонялись толпы монахов с книгами и четками в руках. При виде нашей процессии они разом уставились на меня, крестясь и перешептываясь:

– Колдун! Колдуна ведут...

Я только таинственно улыбался в ответ.

– Молитесь, беспрестанно молитесь, дети мои! – не останавливаясь, выкрикнул толстый монах. – Только тогда силы Зла не будут над вами властны и любое исчадие Ада покорно склонится перед вашей рукой, творящей знамение креста.

«Исчадие Ада» – это, судя по всему, про меня. Худая студенческая молодежь построжела, на глазах сжимая кулаки и провожая меня взглядами, далекими от христианского всепрощения. Впрочем... кем я им представлялся? Колдун, чародей, слуга Дьявола, прислужник Сатаны, враг истинного Бога... Соответственно и отношение...

Пройдя весь двор по диагонали, мы поднялись по каменным ступеням в какую-то высокую прямоугольную башню.

Я жадно осматривался по сторонам, но ничего утешительно-го не заметил. Скорее всего, это был обычный, уединенный от больших городов монастырь, я успел рассмотреть часть крепостной стены и ржавую степь на горизонте. Потом меня провели в большое внутреннее помещение. Более всего оно походило на университетскую аудиторию. Небольшая площадка у стены, с чем-то вроде трибуны посередине, а от нее веером полукруглые ряды деревянных скамеек. Центр занимала большая группа взрослых монахов в обычных темно-коричневых или черных рясах. На галерке небольшой отряд военных, человек двадцать – двадцать пять, в блестящих кирасах, демонстративно поглаживающие ножны мечей. Двое, в богатых доспехах и шлемах с перьями на макушке, сидели на самом первом ряду вместе с четверкой пожилых монахов в белых одеждах. Кстати, там же восседал и внезапно «онемевший» старец. Я был прав, он действительно занимал некое главенствующее место в церковной иерархии. Очень жаль, что у него пропал голос, это был, наверное, единственный человек, не считающий меня колдуном.

Толстый проводник быстренько сбегал к высоким лицам первого ряда, что-то доложил, получил соответствующие указания и жестом предложил мне занять место «профессора на кафедре». Я поднялся на площадку, встал на трибуну и дружелюбно улыбнулся присутствующим.

– Серега, не дрейфь! Мы с тобой... Я – слева, Циля, как всегда, по правому флангу.

– Анцифер! – раздраженно раздалось сзади.

– Ша! Не будем устраивать драматических сцен, все-таки перед нами Высокий Совет. Хозяин уже поприветствовал благороднейшую публику, так что, я чувю, представление начинается...

* * *

Следом за мной на площадку вышел один из «коричневой» братии с коротким докладом.

– Этот человек прошлой ночью напал на процессию францисканцев, шедших в наш монастырь. Братья провели в пути двое суток, не останавливаясь на отдых и не гася факелов. Увидев на дороге чужеземца в нехристианской одежде, они обратились к нему со словами смирения и человеколюбия, но он бросился на них с кулаками, изрыгая страшные богохульства...

– Не спорь! – в один голос зашипели оба близнеца мне в уши, Фармазон слева, Анцифер справа. – Не перебивай, это послужит признанием твоей вины. Дай обвинителю высказаться, а уж потом приведешь свои аргументы. Они тоже вежливо выслушают твою версию, тут и добивай их логикой и фактами!

Я стиснул зубы. В свое время меня вот так же поливали грязью на писательском собрании, так что опыт вынужденного молчания имеется. Но как же это горько, несправедли-

во и стыдно сносить плевки в лицо, ожидая своей очереди для ответа... Да и ответить подлецу его же оружием все равно невозможно.

– ...после чего он выпался в одной из наших келий, плотно пообедал, а в благодарность за наше гостеприимство самым черным заклинанием лишил дара речи преподобного брата Иосифа. Теперь этот человек, утверждающий, что он не колдун, говорит, будто бы знает тайну философского камня. Не мне судить его, ибо сказано в Писании...

– Сереженька, приготовьтесь, сейчас вам дадут слово, – вновь зашептал белый ангел.

– Режь им всю правду-матку в лицо! – поддержал Фармазон.

– Но ради всего святого, ни слова о жене-ведьме, – напомнил Анцифер.

– А почему это он, собственно, должен перед ними врать, лебезить, выкручиваться?! – возмутился черт, так что мне пришлось слегка цыкнуть на обоих.

– Теперь пусть ответит колдун, – прозвучало над притихшим залом.

По-моему, это сказал кто-то из первого ряда, видимо, они уже посовещались и решили все-таки меня выслушать. Я откашлялся, вспомнил комсомольскую юность и уверенно начал речь:

– Товарищи... Я – не колдун!

– Хорошенькое начало, – с непередаваемым оттенком

ехидства ободряюще буркнул Фармазон, но я постарался не обращать на него внимания.

– Все недостойные инсинуации, которые высказал предыдущий оратор, являются по сути своей не более чем отвлеченными умозаключениями весьма личностного характера. Не приведено ни одного серьезного факта, ни одного весомого доказательства, ни одной существенной улики, так что складывается впечатление о явной пристрастности моего оппонента. Исходя из его вариации трактовки близлежащих событий у слушателей может возникнуть неадекватная реакция в виде четко выраженного негативного отношения к моей личности. Столь бюрократический метод решения вопросов принадлежности к оккультным кланам в сфере современной системы общественных взаимоотношений...

Я остановился, только когда понял, насколько глубокая тишина овладела залом. Люди буквально застыли с окаменевшим выражением ужаса на бледных лицах. Справа от меня рухнул в обморок ангел Анцифер, гулко ударившись затылком о деревянный пол. Я в недоумении повернулся к черту – тот смотрел на меня, как новобранец на маршала Жукова.

– Что-нибудь не так?

– О-о-о-о... это мягко сказано! Клянусь кривыми рогами Сатанаила, даже я сам не смог бы повернуть речь, повергнувшую в натуральный столбняк такую толпу священнослужителей.

– Но... – Я с тоской пробежал глазами по рядам слабо зашевелившихся слушателей. – Но почему?! Что я такого сказал?

– Так... ничего особенного, – с фальшивым вздохом сожаления признал Фармазон. – Просто во всей твоей тираде они сумели понять едва ли пятнадцать слов из пятидесяти восьми предложенных. «Инсинуации», «оппонент», «бюрократический метод»... – такая магическая тарабарщина...

– Это что, могло показаться кому-нибудь непонятным?

– Да чтоб меня заживо поглотила геенна огненная! Если у кого и оставались сомнения в твоей принадлежности к колдовству, то ты их успешно развеял!

– Схватить колдуна! – неожиданно тонким голосом заверещал кто-то из монахов в белом.

Ко мне сурово двинулись воины, наклонив копья и алебарды. Вот тогда-то я наконец понял, что с людьми стоит говорить по-человечески...

– Произошла ошибка! Я не колдун! Я – идиот!

– Хватайте его скорее, дети мои, пока он не произнес более страшных заклинаний! Господь смотрит на вас! Он не допустит исполнения злых козней Дьявола в стенах нашего монастыря. Вяжите колдуна! Мы избавим христианский мир от ужасного чернокнижника...

– Не надо! Я сдаюсь...

– Не робей, Серега, пробьемся! – воинственно фыркнул Фармазон, и... мое тело словно взорвалось непонятной

брызжущей силой. К своему глубочайшему удивлению, я, невероятно изогнувшись, ушел из-под удара ближайшей алебарды и ловко укусил за руку сурового стражника. Бедняга от удивления обомлел, уронив тяжелое оружие себе же на ногу. Еще двум парням с копьями я расцарапал носы, визжа, как бешеная кошка. Нападающие стусеивались... Диким прыжком я взвился вверх и уже оттуда доплюнул до военачальника. Боже, что со мной?! Теперь все солдаты, рыча от праведного возмущения, отбросили оружие и пошли на меня врукопашную. Монахи выкрикивали подбадривающие молитвы и тоже засучивали рукава. Я дрался, словно ополоумевшая носатая обезьяна. Царапался, кусался, щипался, дергал за волосы, брызгая слюной направо и налево... Я! Человек, доселе и мухи не обидевший! А уж так позорно по-девчачьи драться...

Ответ пришел неожиданно в виде громкого вопля пожилого священника:

- Этот человек одержим демоном!
- Фармазон, – прозрел я. – Это твои штучки?!
- Где? – раздался непонимающий голос у меня в мозгу.
- Пошел вон из меня, сволочь!
- Подумаешь... да нате вам, пожалуйста, не жалко.

В ту же минуту все «боевое искусство» из моих рук испарилось, а взамен навалилась невероятная усталость и боль во всех мышцах. Кто-то повис у меня на плечах, потом ударил чем-то тяжелым в висок, и наступила темнота.

Самое смешное, что я прекрасно понимал, что со мной делают. Словно со стороны смотрел на стражников, скручивающих веревками мое бессознательное тело, на священников, с проклятиями плюющих в мою сторону, на черта, удовлетворенно потирающего ладони, и на робко пытающегося прийти в себя ангела. Словно какая-то третья или даже четвертая часть меня свободно парила в воздухе, наблюдая за всем ходом трагедии. Хотя, наверное, и комедии здесь тоже хватало... Ну Фармазон! Ну удружил, мерзавец с хвостиком... А ведь спроси его сейчас – тут же сделает честные глаза и с пеной у рта будет доказывать, что изо всех сил старался помочь, отдал все свое умение, был уверен, что я прорвусь и что смирение не всегда действенно, а лучшая защита – нападение! Господи, неужели действительно этот махровый авантюрист – часть моей души?! Отродясь не предполагал в себе наличие таких темных талантов... Нет, то, что я не ангел, это я тоже понимал отчетливо, но вот вырастить в своей душе вон ту продувную бестию... А еще жену ведьмой называл! Да моя Наташа наверняка никого не лишала голоса, не запугивала со сцены непонятными словами и (кстати, чего ради я сам-то заговорил этим дурацким, казенно-депутатским, штампованным языком?) не дралась в общественном месте, одержимая личным бесом. Который тут как тут, рад стараться, пользуясь тем, что светлая половина лежит в красивой позе без всякого сознания. Как-то очень уж нескладно начинаются мои приключения. Все-та-

ки чужой мир, иное время, незнакомые люди... Возможно, они даже пытались меня понять, помочь, подбодрить, а я, как последний болван, оттолкнул от себя всех. Мало того, что не приобрел друзей, но и сочувствующих перевел в ряд непримиримых врагов.

Вот сейчас они меня, в смысле мое тело, куда-то тащат. Куда, куда... в темницу, естественно. Вниз по лестнице, теперь через тот же двор, под удивленно-испуганными взглядами молодых монахов, опять вниз, по коридору налево, там особенно мрачный каземат. Занесли в самую дальнюю камеру, бросили на пол. Кругом темень – хоть глаз выколи. На ледяном полу ни соломинки. Ангела и черта, естественно, тоже нет. Где я сам, уже не видно. На определенном этапе обрывочные мысли прекращаются, ощущение полета и взгляда со стороны тоже исчезает. Все кружится, катится и проваливается в тихую неизвестность. Наверное, я просто уснул. В любом случае сознание вернулось не скоро, а в себя я пришел от дикого холода...

* * *

Кто-то неуклюже протирал мое лицо мокрой тряпкой. Видимо, в камере все-таки был слабенький свет, я различал силуэт склонившегося надо мной человека.

– Анцифер? Фармазон?

– Бредит, видать, – тихо раздалось в ответ. – Ишь какие

непонятные слова выговаривает, бедолага.

– Брось его, Ванья! – донеслось из темного угла. – Стражники говорили, что это колдун.

– Ваши стражи только бить почем зря горазды. Вона как парня веревками опутали – ни статья, ни сесть. А ты говоришь, колдун...

– Да он сам только что произносил имя Светоносного Люцифера и еще часть какого-то заклинания!

– Эй, добрый человек, – вновь склонился надо мной тот, кого называли Ваньей. – Уж будь ласков, скажи на милость, ты не колдун ли?

– Нет... – слабо выдохнул я, пытаюсь повернуть голову. Слева забрезжил свет. Жалкая глиняная плошка с плавающим в черном жире фитилем, желтое пламя вычерчивает в темноте лица двух мужчин. Один очень молод, лет восемнадцати – двадцати, с добрым взглядом. Другой, наоборот, очень стар, с жиденькой бородой, бегающими глазками и непонятно-язвительной ухмылкой. Его смуглая кожа напоминала печеное яблоко, а огромное количество морщин превращало лицо в резную индейскую маску. Он мне сразу не понравился. Меж тем молодой узник вздохнул и опустился на колени.

– Освободить бы тебя, да вот, вишь, у самого руки связаны. – Он продемонстрировал мне стянутые веревкой запястья. – Кровь со лба я тебе кое-как отер, ранка неглубокая, но шрам будет.

– Где я?

– В королевской харчевне «Паштет из короны»! – издевательски фыркнул старик. – Ясное дело, что он не колдун, раз такой дурак. Валяется связанный в тюрьме, в камере смертников, да еще нахально спрашивает – где я?! У, так бы и дал по зубам...

– Ты чего раскричался-то, старый Сыч? Али не видишь, что парень и ответить тебе не может. А ну оставь его!

– Что?! Это ты мне? Из-за него? Ну, Ванья. – Старик раздраженно сплюнул и ушел в свой угол. Молодой только головой покачал:

– Поговори со мной, добрый человек... Сегодня последнюю ночь на свете живем. Ты, видно, и вправду не ведаешь, куда попал... Рассказать, что ль?

– Сделай милость... – Я уже мог говорить ровно, без запинок, все тело так затекло, что боли от врезавшихся веревок почти не ощущалось. Можно было вертеть головой, но не хотелось, или шевелить пальцами, хотя тоже непонятно зачем...

– Меня Иваном зовут, я третий сын царя Еремея. По батюшкиному указу мы с братьями старшими по свету белому в страны разные хаживали – лекарство для матушки приболевшей искать. Шесть ладей боевых для дальней дороги снаряженные да дружина храбрая в две сотни душ нам в поход приданы были. Много мы пережили, много земель повидали, многим чудесам дивовались, а только раз ночью бес ме-

ня попутал. Услыхал я в одном порту, будто бы у ромейского государя во владениях его есть монастырь, а в монастыре яблоки растут редкие, китайского императора подарок. И будто монахи из яблок тех тайный сидр гонят, лекарственный, от всех болезней, по бутылкам льют, и каждая бутылочка равным весом к золоту идет...

– Молодильные яблоки? – тупо сообразил я.

– Они самые и есть! – обрадовался мой собеседник.

– Дальше по тексту... Платить несусветную цену ты не захотел, в монастырь влез тайно через стену, был пойман бдительной стражей при попытке бессовестной кражи. Факт воровства налицо.

– Был грех...

– Бутылку-то одну взял?

– Десять... – потупился царевич. – Они в ящике лежали, я б так и унес, но пожадничал, сверху еще четыре положил, а одна возьми да и скатись... Об каменный пол, да и вдребезги!

– А ты?

– А я вперед через лужу шагнул, да поскользнулся и со всем ящиком так навзничь и рухнул! Грохот, звон, шум... Стража набежала, я четверых побил, но им подмога пришла. Здесь у монахов человек шестьдесят воинов на постое живут, сидр сторожат, и воеводы при них. Повязали... с таким-то перевесом! Суд здесь скоро вершат, только три денька в тюрьме и продержали. Назавтра, говорят, казни ме-

ня предадут.

– Судя по всему, меня тоже.

– И тебя, друг, и Сыча старого, всем нам горькую чашу испить предстоит...

– А его за что?

– Не ведаю... Старик-то молчит больше, слова не вытянешь. Вот тебя увидел, так вдруг раздухарился! Но я думаю – за колдовство, уж больно глаз у него недобрый...

Дверь в камеру распахнулась, вошли двое стражников с факелами. Один снял с меня все веревки, но взамен туго перевязал запястья тонким ремнем, как и у остальных узников. Другой поставил на пол миску с водой и целый каравай хлеба. Уходя, он обернулся:

– Завтра утром вас всех сожгут, а твои чары, колдун, больше не помогут. Глава Совета вновь слышит! Благодаря молитвам братьев и заступничеству Господа к нему вернулся слух.

Когда стражники ушли, царевич ловко разделил хлеб на три куска. Старик забрал свой в угол и ел там, ворча что-то неразборчивое, по-звериному поблескивая глазами. Мы с Иваном сели рядом, сначала молчали, потом незаметно разговорились.

– Тебя как величать-то?

– Сергей.

– А по батюшке?

– Александрович. Давай просто Сергей, без особых cere-

моний. Я старше тебя лет на пять, от силы шесть, так что вполне можем общаться на равных.

– Как скажешь, колдун. Ты уж не сердчай, что я тебя так называю. Сам видишь, все так говорят...

– Чушь это. Глупости, бред и еще раз чушь! У меня жена пропала. Пришлось идти ее искать... – Неожиданно для самого себя я разоткровенничался. Царевич Иван слушал не перебивая, разве что охая или ахая в самых интересных местах. Я рассказал ему о поэзии, о работе, о том, как мы познакомились с Наташей, как полюбили друг друга, как долго решались связать свои судьбы и как она призналась мне в своем страшном даре. Моя жена – ведьма, это целая отдельная повесть, полная истинно шекспировской глубины и чеховского трагизма. Потом ее превращение в волчицу, дурацкая шерсть, сгоревшая на плите, Наташино исчезновение, а взамен по-домашнему будничное появление Анцифера и Фармазона. Мой внимательный слушатель хохотал как сумасшедший, слушая пересказ жарких диспутов ангела и черта. Встреча с церемониальным шествием монахов, тюрьма при монастыре, пропажа голоса, как теперь выяснилось, аж у самого главы Совета. Что же еще? Ах, ну, конечно, моя замечательная речь с необратимыми последствиями, безобразная драка и абсолютная невозможность доказать хоть кому-нибудь, что я не колдун!

– Ты – волхв, – вынес резюме мой новый товарищ. – Монах тот старый все ж таки не без твоей помощи онемел.

Видать, ты слово какое тайное знаешь, а пользоваться им не обучен. Вот оно и без твоей воли всякие чудеса вершит. Точно тебе говорю, волхв ты и есть! Не колдун, не сомневайся...

– Не совсем улавливаю разницу, – кисло вздохнул я.

– Э, брат... Колдун, он завсегда темных, нечистых духов вызывает. Даже если доброе дело вершит, все одно от него серой пахнуть будет. А волхв в единстве с миром живет, язык зверей и трав понимает, песни да былины складывает, слова разные ведает... Правду молвить, волхвы тоже разные бывают, кто белый, а кто черный, у каждого своя душа, свое слово...

– Ну а я тогда какой?

– Серый, – улыбнулся он. – Раз уж за тобой ангел с чертом под ручку ходят и ни один над другим верха не берет, значит, перемешано в душе и белого и черного в достатке. Эх, было б времечко, поведал бы и я множество историй чудных о волхвах, чародеях, колдунах да ведьмах... В краях наших их превеликое множество, а только вижу, глаза у тебя сами закрываются. Уж ты поспи чуток, Серый Волхв, глядя на тебя, может, и мне уснуть удастся. Дом родной во сне увидеть бы, братьев, бабушку с матушкой, тогда и помирать не так страшно...

Я уснул почти сразу, словно провалившись в густую томную тину крепчайшего сна. Никогда бы не поверил, что можно так сладко спать на голом каменном полу, прислонившись спиной к холодной стене, с разбитыми и связанными руками, с синяками по всему телу, с вынесенным приговором и смертной казнью на носу... Мне снилась моя жена. Мы оба куда-то шли по пыльной степной дороге, небо было хмурым, солнце исчезло за плотными облаками, навстречу дул сильный ветер, развевая крылья черных одежд Наташи.

– Еще далеко?

– Нет... – кричала она, хотя мы держались за руки, видимо, ветер сносил звуки. – Но они нас уже ищут. Ты зря сюда пришел...

– Я тебя искал, нам домой пора.

– Здесь нет дома.

– Тогда куда же мы идем?

– Я хочу спасти тебя... – Внезапно ее лицо исказилось гримасой ненависти, а дыхание обжигающим смрадом ударило мне в лицо. Я полной грудью вдохнул уже знакомый запах псины и... проснулся. Напротив меня, в двух шагах, напружинив лапы и оскалив зубы, стоял огромный серебристо-серый волк! На какую-то долю секунды мы замерли, встретившись взглядами. Потом его тело распласталось в ко-

ротком прыжке, и я едва успел выставить вперед связанные руки и вцепиться железной от ужаса хваткой в густую шерсть на горле зверя. Я не смог бы его задушить, будучи даже в лучшей физической форме, но моих сил еще хватало на то, чтобы удерживать страшную пасть в нескольких сантиметрах от лица. Мы глядели прямо в зрачки друг друга, пока до моего сознания не дошла абсолютно человеческая осмысленность его глаз. Волк-оборотень неумолимо напирал, и, вспомнив рассказ Наташи, я вдруг почувствовал прилив жгучей ярости. Она говорила, что в их стае были такие чудовища и они убили бы ее, если бы смогли догнать. Я видел в желтых, человеческих глазах тупую страсть маньяка-убийцы, и теплая слюна, сбегая с его клыков, текла мне на руки. Почему я не закричал, не позвал на помощь... не знаю... Наши силы были более чем неравны, и мне не объяснить, какие чувства заставляли меня продолжать бессмысленное сопротивление. Любовь? Ненависть? Гордость? Волк удовлетворенно зарычал, в клокочущих переливах его горла зазвучали торжествующие нотки победителя... Потом рык неожиданно резко прекратился, а по морде разлилось раздраженно-недоуменное выражение. Его лапы соскользнули с моей груди, зверь нервно обернулся – позади стоял бледный Иван и, вцепившись в хвост хищника, тащил его назад.

– Держись, волхв! Вдвоем небось одолеем.

Волк попытался крутануться назад, но царевич ловко дернул его влево, и зверь упал и покатился по полу. Когда он

вновь вскочил на ноги, мы оба уже стояли плечом к плечу, готовые к обороне. О победе мы не думали, одолеть такого матерого волчару проблематично даже вооруженным людям, а у нас не было ничего, да еще и руки связаны, но почему-то очень хотелось подороже продать свою жизнь. Хотя, по сути разобраться, чем смерть от зубов хищника хуже сожжения заживо на костре? Мысли пронеслись в голове с феерической скоростью, не задерживаясь ни на секунду... Волк глядел на нас с непередаваемой ненавистью, шерсть у него на загривке вздыбилась, глаза стали отсвечивать красным, а клыки обнажились, острые, словно зубья пилы. Он бы, несомненно, бросился на нас, но в эту минуту раздался осторожный стук в дверь. Два быстрых удара, через паузу еще один и опять два быстрых. Зверь обернулся, дверь камеры приоткрылась, волк мгновенно нырнул в проем, и стальные засовы лязгнули вновь, запирая нас двоих. Двоих, потому что Иван первым делом шагнул в угол, где спал старик по прозвищу Сыч, чье лицо мне так не понравилось. Там валялись лишь обрывки одежды, самого старика не было.

– Оборотень! – сплюнул царевич, я кивнул. – Не порвал ли он тебя, часом?

– Нет... не успел. – Слова давались с трудом, только сейчас, когда все было позади, мной овладел панический страх. Что, если бы я не проснулся? Об этом не хотелось и думать...

– Одного не пойму, если сегодня всех сжечь порешили,

зачем же они волка спустили на нас? Я-то в погребке этом уже трое суток сижу, а старика вот прямо перед тобой доставили. Мы с ним только познакомиться и успели.

– Он хотел меня убить...

– Знамо дело, на то он и зверь. Слышь, волхв, а почему ты ему слово чародейное не сказал? Нешто и вправду молитвы монашеские всю силу у тебя отняли?

– Нет у меня никакой силы. Я – поэт. Не колдун, не маг, не волхв, просто – поэт. Стихи сочиняю, а к волшебству не имею ровно никакого отношения.

– Ну, ну... – понимающе подмигнул Иван. – Только если бежать вздумаешь, меня с собой захвати. Хоть мечом, хоть псом, хоть конем боевым оберни – я тебе верой и правдой отслужу!

– Договорились, – устало хмыкнул я. – Но помни, я тебя честно предупредил...

– Вот уж спасибо, Серый Волхв! Пока живы – будем друг за дружку держаться, а уж наступит черед помирать – так и винить некого, от судьбы не сбежишь.

Хороший он парень. Я почему-то представлял царевичей несколько иными. В русских народных сказках они обычно кручинятся, вешая буйну голову ниже плеч, да еще вечно плачут горячими слезами. В это время, умиляясь зрелищу распустившего нюни здорового мужика, на них успешно трудятся разные Серые Волки, Василисы Прекрасные, Трое из ларца и еще с десятков сострадательных умельцев. Сам ца-

ревич проявляет себя либо в бездарной краже тщательно охраняемой Жар-птицы, либо в суровом поединке с Каше-ем Бессмертным. Уже героизм, хотя обычно этого же Кашея сам царевич и выпускает на свет Божий по причине болезненного любопытства и недалекого ума. Собственно, и мой знакомый Иван отличался теми же недостатками, но, с другой стороны, он был прост в общении, вежлив, ненавязчив, неслезлив... Так что нельзя всех стричь под одну гребенку.

– Волхв?

– Да? – Я ответил прежде, чем сообразил, как он ко мне обратился.

– Ты вот говоришь, что сочинять обучен. За нами ведь придут скоро. Прочти мне песню какую-нибудь, или былинку, или еще что... Не так мучительно ждать, а то уж пока на костер поведут, всю душу ожиданием вымотают.

– Хорошо, давай устроим маленький творческий вечер известного петербургского поэта Сергея Гнедина. То есть меня! Начнем, я думаю, с исторических стихов. О гусарах не будем, их еще и в помине нет, на смерть офицера Гумилева тоже не пойдет, а вот «Варвары»... Было у меня одно такое стихотворение, созвучное твоему времени:

Варвары! В хрип переходит крик.
Фыркает кровь из груди часового.
Всадник к растрепанной гриве приник,
Вслед ему грохот тяжелого слова...

Варвары! Вздогнул седой Ватикан.
Тяжесть мечей и задумчивых взглядов...
Боли не знают, не чувствуют ран,
Не понимают, что значит преграда.

Город ли, крепость, гора ли, скала...
Что бы ни стало – едино разрушат!
И византийских церквей купола
Молят спасти христианские души.

Но и сам Бог что-то бледен с лица...
Страх как комок обнажившихся нервов...
И под доспехами стыннут сердца
Старых и опытных легионеров.

Хмурое небо знаменья творит,
Тучи в движении пепельно-пенном.
Варвары! Посуху плыли ладьи
К окаменевшим от ужаса стенам.

Быль или небыль о предках гласит...
Ждет лишь потомков пытливого взгляда,
Как Святослава порубанный щит
На неприступных вратах Цареграда...

– Ух ты! – тихо восхитился царевич Иван. – Вот она, оказывается, какая, твоя поэзия!

– Нравится?

– Очень. Большой дар тебе Господом дан, очень уж ред-

кое это умение так красно да складно истории рассказывать. Чую, прогремят твои строки в веках...

– Ну... на самом-то деле это далеко не лучшее мое стихотворение. – Как и всякий поэт, я был весьма падок на простодушную лесть. Такому слушателю хочется читать и читать бесконечно, лишь бы сидел вот так, с распахнутым от восхищения ртом, а я бы вливал ему в уши весь запас собственных стихов о природе, философии или неразделенной любви к прекрасной незнакомке. Но стоило мне об этом подумать, как слева раздался язвительный шепот:

– Нет, ты слышал, Циля? Этот неугомонный ниспровергатель Бродского и здесь пытается колдовать...

* * *

Я обернулся. Близнецы стояли за моей спиной, перемигиваясь, как опытные заговорщики.

– Сергей Александрович, отвлекитесь, пожалуйста, от ваших литературных опытов, нам необходимо серьезно поговорить.

– Минуточку, Анцифер, я должен извиниться перед моим новым другом. Вас можно представить?

– Бессмысленно, Фармазон ведь предупреждал, что другие смертные не могут нас видеть или слышать.

– Иван. – Я повернулся к недоумевающему царевичу. – Тут неожиданно пришли мои... м-м... как бы это поточнее

выразиться... в общем, ангел и черт, помнишь, я рассказывал? Ты их видеть не можешь, потому что они мои личные духи. Мы тут поболтаем немного, а?

– Да, конечно, о чем разговор! – с несколько преувеличенной готовностью отодвинулся он. Не спешу осуждать парня, на его месте я еще быстрее принял бы сам себя за психопата. Представляю, как это выглядело со стороны...

– Серега, – начал черт, виновато уставясь в пол. – Мы тут перетерли на досуге и решили... В общем, я, конечно, виноват, но... Между прочим, ты человек образованный и отлично знал, с кем связываешься!

– Фармазон! – укоризненно покачал головой Анцифер.

– А чего?! – огрызнулся нечистый. – Нечего все на меня валить! У него своя голова есть? Тоже мне теленок на веревочке – куда повели, туда и пошел. Пусть впредь сначала думает, а потом делает. Чем, кстати, и мне задачу усложнит...

– Ребята, я устал. Меня тут казнить собираются, давайте отсюда выбираться.

– За этим мы и пришли. Серезенька, вопрос о ваших панибратских отношениях с вон тем лукавым искусителем мы обсудим позднее, в другом месте и другой обстановке. Сейчас мой долг и моя святая обязанность – не допустить вашей бессмысленной гибели. Дело выглядит так – мы с Фармазоном способны проводить тебя сквозь миры.

– Я не один, мне еще и товарища вызволить надо.

– Увы, при всем моем расположении к человеку, которого

вы называете другом, это невозможно... Я очень сожалею, но подобные чудеса не в нашей компетенции.

– Короче, – вмешался Фармазон, он вообще не мог молчать больше двух минут, справедливо полагая, что без его вредительского участия все рухнет. – Я умею открывать заветную дверцу (или вход в параллельный мир, или врата, или портал, называй как угодно), а белобрысый может их закрывать. В смысле – взять тебя за ручку и увести из этого места навсегда.

– За территорию монастыря? – не понял я.

– За территорию этого мира, дубина!

– Фармазон! Что за выражения в адрес хозяина?! – Вспыхнувший Анцифер возмущенно отвесил брату подзатыльник. – Никакого воспитания... но в целом он прав. Я вас забираю, дайте мне правую руку, попрощайтесь с вашим товарищем – и в путь.

– Нет... так нельзя. Его тоже намерены казнить, я не могу... это неудобно.

– Конечно, – поддержал черт. – Вот зажарят вас двоих у одного столба, это будет куда удобнее и, главное, не так скучно. А то что ж он один? И анекдот рассказать некому...

На этот раз я честно попытался пнуть его ногой, но нахал успел увернуться.

– Сереженька... – с укором в голосе и одобрением в глазах протянул его белый братец. – Ну нельзя же так, в самом деле. Очень вас понимаю, самому давно хотелось, но вы ведь

культурный человек.

– Извините, погорячился... Просто, на мой взгляд, здесь не место и не время для дурацких шуток. Каким образом мы можем отсюда вырваться?

– Я как раз начинал объяснять... Мы с Фармазоном возьмем вас за руки и сделаем шаг. Двери этого мира за нами закроются, а двери нового откроются. Как видите, таким образом можно провести лишь одно лицо.

– Все дело в том, чтобы держать меня за руки?

– Именно, и только вас, а не какого-то постороннего.

– М-м... но ведь теоретически, если я посажу этого постороннего себе на плечи и руки у меня будут свободны, условия не нарушатся?

Анцифер вопросительно глянул на Фармазона, тот пожал плечами:

– А леший его знает, вполне может оказаться, что и сработает...

Повернувшись к царевичу, я бегло обрисовал ему возможную картинку нашего спасения. Он выслушал не перебивая, но задал один вопрос:

– А назад потом как?

– Назад так же? – переспросил я.

– Назад уже не получится. Мы не можем дважды войти в один и тот же мир.

– Иван, ничего не выйдет, они не смогут нас вернуть. Тебе придется остаться со мной.

– Нет. – Подумав, он отрицательно покачал головой. – Мне так нельзя. Не могу я слово нарушить, матушку без лекарства оставить, братьев не предупредить, батюшку подвести... Лучше уж мне здесь голову сложить, чем в чужом мире неприкаянным скитаться. Беги один, Сергей Александрович. За честь предложенную спасибо, но не могу я. Беги сам.

– Ребята, – я вновь обернулся к ангелу и черту, – но ведь мне обязательно нужно поискать здесь Наташу. Пока вас не было, на нас напал волк-оборотень, его посадили в камеру под видом ворчливого старика. Наташа рассказывала о таких. Надо найти его, и, возможно, он выведет нас на стаю, а там уж хоть кто-нибудь, но должен что-то знать о моей жене.

– Это невозможно. – Анцифер осторожно взял меня за руку. – Я не могу позволить вам погибнуть.

– Но... вы уверены, что ее здесь нет?

– Я не могу позволить вам погибнуть.

– Да, конечно... просто у меня душа неспокойна, вдруг она...

– Я не могу позволить вам погибнуть.

– А там, в другом мире, она может быть?

– Не знаю...

– Хватит врать! – раздраженно рявкнул Фармазон, прожигая близнеца праведным взглядом. – У, подлеший из ангелов... так и вертишься, словно грешник голым задом на сковороде с подсолнечным маслом. А ну сейчас же скажи чело-

веку правду!

– Правду? Но... – беспомощно залепетал покрасневший Анцифер, у него даже нимб потускнел и крылышки стыдливо затрепетали. – Но ведь я обязан... я не могу позволить вам...

– Она здесь?! – догадался я. – Говорите, она – здесь?

– В каком-то смысле... если исходить из теории вероятности, то один шанс из ста... Я не исключаю самой возможности, хотя полное совпадение весьма приблизительно... Так что мне лично степень неоправданного риска ни в коей мере не кажется оправдывающей слишком уж зыбкую надежду на...

– Значит, Наташа здесь. – Я обессиленно прислонился к стене, закрыв глаза. Голова сразу закружилась, кровь застучала в виски, а руки стали холодными. Господи, сколько нервов за два последних месяца. Ее ночные уходы, превращение в волчицу, кровь на губах, паленая шерсть, исчезновение и вот наконец... она здесь, рядом, в этом мире, может быть, этой стране и даже где-то неподалеку. Она жива, я смогу ее увидеть, обнять, вернуть... Любые лишения, страхи, опасности казались теперь мелкими и несущественными. Все было не напрасно, все было не зря, я нашел ее... Сердце снова забилося.

– Сереженька, я бы... ведь вполне может оказаться, что ее здесь нет.

– Лицемер, ты же отлично знаешь, что она здесь!

– Чего ты хочешь?! – сорвавшись на тонкий фальцет, завизжал белый ангел. – Чего ты добиваешься? Чтобы он подумал, что я вру, что я ему враг, что я не хочу найти его жёну? А ты тут один честный, верный, бескомпромиссный... Ты этого добиваешься, да?!

Яростная перепалка близнецов была прервана скрежетом отпираемой двери. Оба мгновенно заткнулись, хотя и продолжали пихать друг друга локтями. Появившиеся в проеме стражники махнули нам факелами:

– Вы – двое, на выход! Палач уже жаждался...

Мы с царевичем понимающе переглянулись, вздохнули и шагнули вперед...

* * *

Количество вооруженных людей, встретивших нас за дверями, свидетельствовало о большом уважении к нашим скромным особам. На этот раз все шли молча, стражники не позволяли себе обычных грубых шуток, их начальник раздраженно сжимал рукоять меча в простых ножнах, а четверо монахов торжественно несли в руках длинные деревянные кресты. Никто ни у кого ничего не спрашивал, команд не отдавал, объяснениями не занимался. Иван-царевич шел, гордо подняв русоволосую голову, и взгляд его был устремлен сквозь стены, куда-то далеко-далеко, в тридевятое царство, в неведомую мне загадочную Русь, существовавшую по за-

конам этого мира. Может быть, там все произошло чуть-чуть иначе? Древляне победили полян, славяне не звали на княжение Рюрика, Владимир принял иудаизм, татаро-монголы проиграли битву на Калке и ушли покорять Африку, Кирилл и Мефодий понесли свет азбуки от русских к необразованным болгарам, византийцам, немцам, а не наоборот... Да чего только не могло бы произойти, если б по неизвестным причинам история хоть на йоту изменила привычное нам течение. Мир так удивительно богат и непознаваем! Я дожил почти до тридцати, а верил в чудеса только в сладкие годы розового детства. Наверное, читал слишком много сказок и в результате женился на ведьме. Что в общем-то не такая уж редкость, но вот ради нее взять в охапку личного ангела и черта для проникновения в иные миры... Очень похоже на романтическое фэнтези с элементами народного фольклора, крутого боевика и мистического триллера. В то, что все это происходит на самом деле, к тому же не с кем-нибудь, а именно со мной, – пока верилось с трудом. Я даже ущипнул себя пару раз в робкой надежде проснуться. Не сработало... В смысле – не проснулся, хотя и очень старался. Наверное, потому, что все же не спал... Что, собственно, здесь происходит? Куда нас ведут? Ну, не на казнь же, в самом деле?! Идиотское развитие сюжета... Меня не могут сжечь в одном из параллельных миров потому... потому... потому, что это привело бы к необратимым последствиям во всех остальных! Куда же я исчез в своем собственном? Не очень

удачная мысль на самом деле... Ну, если друзья или соседи обратятся в милицию, то больше месяца нас с Наташей искать не станут, а потом просто объявят мертвыми. И почему, собственно, в каком-то из миров я не могу быть сожжен? Очень даже могу! А в одном меня четвертуют, в другом повесят, еще неизвестно в каком, например, утопят. Если я умру здесь, то на прочие миры, скорее всего, трансформируется именно моя смерть. Пусть в разных вариациях, но я везде умру, а это меня абсолютно не устраивает. Так какой же из всего этого следует вывод? Надо срочно что-то делать!

– Сергей Александрович, внимлите же наконец голосу разума – еще не поздно бежать! – пропищал знакомый голосок.

Я скосил глаза. На моем правом плече, помахивая для равновесия крылышками, сидел ангел Анцифер, уменьшившийся до размеров спичечного коробка. Соответственно на левом плече болтал ножками насвистывающий бес.

– Сергей Александрович, а вот через какую-нибудь пару часов действительно будет слишком поздно. Сколько я помню, вы ведь не освящали таинство своего брака в церкви? Чисто гипотетически можно предположить, что ваши семейные узы являются лишь общественно признанной фикцией, подтвержденной небрежным штампом в паспорте. Но это же формализм! Оттиск печати на документе, удостоверяющем личность, – чернила на бумаге, не более... Вдумайтесь, ведь это ни к чему не обязывает! Вы не клялись любить ее в горе и радости, не обещали быть вместе, покуда смерть не разлу-

чит вас. Ради чего же упорствовать? Вы жили во грехе и прелюбодеянии, но волей Божественного провидения у вас появилась возможность изменить беспросветное падение своей жизни. Ваша жена исчезла, посмотрите правде в глаза. Это не горе, это спасительный знак небес...

Я поднял к плечу связанные руки и небрежным щелчком мизинца сбил Анцифера с его «наседа». Черт восторженно захлопал в ладоши, а отхохотавшись, тут же обрушил на меня целую антирелигиозную лекцию:

– Вот наконец-то и этот бледный проповедник нудных заветов законно получил по манишке. Что он там вдохновенно распевал насчет преимуществ церковного брака над официальным? Врет, как всегда... Ангелов же хлебом не корми – дай всякими постулатами по ушам проехать. Их не колышет, что у человека собственная голова на плечах есть, что он разумом наделен, волей, чувствами и потребностью думать самостоятельно. У них на все готовенький ответ из Библии. Нашли универсальный компьютерный справочник... Так вот, чтоб ты знал – церковные браки распадаются не менее регулярно, чем любые другие, и даже чаще! Официальное бракосочетание необходимо для штампа в паспорте, изменения фамилии, смены прописки, законного, с юридической точки зрения, рождения детей. На фоне всего этого походом под венец в церковь люди лишь отдают дань традиции. У меня была знакомая пара, жена настояла на церковном браке, мужу это было до фени, но решил уступить

любимой женщине. Ну и результат...

Я резко остановился, коридор кончился, и стражники преградили путь копьями. Не удержав равновесия, Фармазон тоже рухнул с моего плеча, задрав блестящие копыта.

– Прости меня, Серый Волхв... – глухо пробормотал царевич Иван, – бежать тебе было надо. Что проку, если вдвоем сгинем? Я-то хоть за вину тяжкую, а ты чего ради? Если только можешь – не думай обо мне, обернись зверем али птицей и беги...

– Не смей разговаривать, вперед!

Нас вывели на обширный монастырский двор, под завязку наполненный народом. Основное количество составляли монахи, но было много и крестьян. Мужчины мрачно переглядывались, а женщины испуганно прижимали к себе детей. Видимо, на подобных мероприятиях требовалось присутствие простолюдинов как свидетелей непримиримой борьбы святой инквизиции с происками Дьявола. Весь гарнизон охраны сидра тройным кольцом опоясывал невысокий помост с черным крашеным столбом посередине. Рядом высились аккуратные вязанки хвороста. Высокий Совет в полном составе, включая выздоровевшего отца Иосифа, поджидал нас у эшафота. Царевич мужественно шагнул вперед, под свист и улюлюканье первым двинулся на грубый эшафот. Я следовал за ним, раздираемый тысячей противоречий. Мне совсем не хотелось умирать, но присутствовавшие вряд ли намеревались просто пошутить. Воспользовать-

ся помощью моих духов не представлялось возможным: во-первых, по причине элементарного отсутствия таковых, во-вторых, я почему-то был уверен, что насчет Наташи Фармазон не солгал, а вот Анцифер темнил вовсю. Она все-таки была здесь, в этом мире, и единственный шанс ее найти никак не увязывался с переходом в иное измерение. А кроме того, какая-то непонятная сила удерживала меня рядом с невольным товарищем по несчастью. Не то чтобы мы так уж сдружились или побратались, но, что ни говори, а он спас мне жизнь, оттащив за хвост волка...

Нас прикрутили цепями к черному столбу спина к спине. Царевич нащупал мою ладонь и крепко сжал ее.

– Спасибо тебе, брат, не оставил одного смерти в глаза смотреть. Только истинный волхв так поступить способен, ибо не ценит он кратковременность бытия, а из земли выйдя, в нее же и уходит.

Я не нашелся что сказать и лишь ответно сжал его пальцы. Зато у моей правой щеки знакомо затрепетали белые крылышки и печальный голос смиренно произнес:

– На все воля Божья... Пусть он вас простит, как я вас прощаю.

– К чему столько патетики? – язвительно прошипели в ответ с левого плеча. – Ты заявился как раз вовремя, чтобы утешить нашего хозяина, перед тем как его сожгут во славу твоего Христа!

– Люди слабы и могут ошибаться, но Господь никогда

не допустит, чтобы хоть волос упал с вашей головы без его ведома, ибо...

– Серег, прими мои поздравления! Если верить этому недалекому софисту – ты сгоришь не только с разрешения, но и с благословения Божьего.

– О, лукавый и изворотливый бес, – ровным тоном ответил Анцифер. – Как и твой господин Сатанаил, ты весьма поднаторел в двуличном искусстве обмана. Какой же изощренной ложью ты смущаешь души невинных... Изыди!

– С чего бы это? Сам вали отсюда!

– Я остаюсь с Сергеем принять мученический венец.

– Нужен ты здесь со своим хныканьем?! Давай катись колбаской, пока не запалили. Это я в Аду родился, мне никакой огонь не страшен, а ты-то враз перышки опалишь.

– Господь не даст мне погибнуть. Я остаюсь, – с достоинством ответил ангел.

– Он – мой! – в бессильной ярости завизжал Фармазон. – Уходи отсюда, он мой!

– Я остаюсь, – повторил Анцифер, а Иван хлопнул меня по руке:

– Гляди, волхв.

Бледный стражник что-то горячо втолковывал своему командиру, потом они быстро поднялись на стену, вглядываясь в даль. Командир стражи спустился вниз и направился с докладом к главе Высокого Совета. Видимо, отец Иосиф все еще не полностью излечился от своей глухоты. Он гром-

ко переспросил на всю площадь:

– Что? Какой еще парус?!

Народ наострил уши. Командир покраснел и начал толковать свое с еще большим пылом, хотя и не повышая голоса. Еще двое членов Высокого Совета включились в спор, до моего слуха долетели какие-то обрывки фраз типа: «Бредовые видения...», «Ловушки Сатаны...», «Чего с пьяных глаз не покажется...», «Конечно же он просто сошел с ума!». После чего отец настоятель воздел руки к небесам и вынес резюме:

– Это морок! Обычные дьявольские чары, наведенные вон тем колдуном (видимо, подразумевался я, потому что все сразу уставились на меня, как на козла отпущения). Нам не следует обращать на это внимания, и он рассеется сам собой. А вы, сын мой, чересчур торопливы в суждениях. Опыт прожитых лет учит нас видеть не только внешнюю сторону, но и...

– Да говорю же вам! – заорал обиженный недоверием офицер. – В поле боевые корабли славян, и они движутся сюда с невероятной скоростью!

– Вот и ответ на твой вопрос, – примиряюще погладил его по плечу тот толстый брат, что водил меня на Совет. – Корабли не могут ходить посуху. Подобное чудо мог сотворить лишь сам Господь.

– А уж если и могут, то никак не славянские, – добавил кто-то. – Ведь славяне варвары, разве Бог станет им помо-

гать?!

– Позвольте хоть увеличить стражу на стенах и привести в полную готовность гарнизон? – взмолился пристыженный командир, но ему и тут не дали развернуться.

– Ни за что! Морок силен, лишь когда в него верят. Если мы будем обращать на него внимание, то он станет питаться нашими страхами. Питаться и расти! Как только мы перестанем даже думать о нем – он исчезнет сам, словно черный дым, а мы вознесем новые молитвы Отцу нашему Небесному за урок смирения и веры.

В общем, кончилось тем, что более благоразумные солдаты увели своего командира, успокаивающе похлопывая по спине. Я имел возможность еще раз убедиться в превосходстве духовной власти над светской. Правда, зачем мне это? Священники вернулись к нормальному течению процедуры, и, хотя народ вокруг по-прежнему недоуменно перешептывался, было ясно – казнь не остановится ни по каким причинам. О смерти я не думал. Не потому, что не боялся, просто меня все время отвлекали. То Иван, то ангел с чертом, то спор вокруг каких-то парусов и постоянное ощущение чьего-то пристального взгляда... Кто-то из толпы ни на минуту не сводил с меня глаз. Глава Совета отец Иосиф начал громко декламировать речь, видимо о нас, но я его не слышал. Мое лицо уже буквально горело... Сыч! Тот самый нервный старик в грязной одежде, с дурными манерами, что был в нашей камере, человек-оборотень, я узнал его.

Наши взгляды встретились, как клинки, едва не заскреже-
тав от ненависти и напряжения. Он пришел полюбоваться
на нашу смерть. Огонь священника должен был довершить
то, чего не сумели зубы дьявольского зверя. Негодяй! Я уже
открыл было рот, чтобы бросить ему это на всю площадь,
но тут... женщина, стоящая рядом с ним, откинула со лба
капюшон, и я увидел... Наташу! Крик горячим комком за-
стрял у меня в горле, дыхание перехватило, а на глаза навер-
нулись слезы... Она – здесь! Я все-таки нашел ее...

Когда голос вернулся ко мне, священник уже начал тихую
молитву за упокой наших грешных душ. Мой вопль разнесся
над притихшими людьми, как треск разорванного полотна:

– Наташа-а-а!

Все уставились на меня. Она вздрогнула и подняла ресни-
цы.

– Наташа, это же я! Я здесь, я нашел тебя, я пришел за то-
бой, любимая...

Теперь все повернулись в ее сторону. Оборотень что-то
прорычал и, схватив мою жену за рукав, попытался затерять-
ся в толпе. Наташа не двинулась с места, глядя на меня ши-
роко распахнутыми глазами, словно пытаюсь вспомнить –
кто я, где она меня видела... Сыч плюнул и, бросив ее, начал
грубо проталкиваться к воротам. Вокруг Наташи образова-
лась пустота.

– Сережа?.. – неуверенно спросила она.

– Да! – заорал я, дергаясь у столба и срывая цепями кожу

на запястьях.

– Сережка! Мой Сережка... родной! – Она протянула ко мне руки, но ее слова потонули в сумасшедшем вое толпы:
– Ведьма-а-а!

С монастырских стен взлетели перепуганные голуби. На какое-то время я, наверное, окаменел... Все происходило слишком быстро и непонятно. Мысли проносились в голове с невероятной скоростью, но были необыкновенно короткими и четкими. Я с пристальной ясностью понимал, что, кроме меня, никто не знал, что моя жена – ведьма. Одета в соответствующее эпохе платье, Наташа ничем не выделялась из числа прочих женщин. Тем не менее народ единодушно и пронизательно угадал ее принадлежность к ведьмовству. Как так? Почему вдруг?

– Это тот гад с волчьим взглядом кукарекнул, а остальные в голос подхватили! – участливо объяснил голос слева. – Заложил, можно сказать, с потрохами. Полнейшая хана твоей супружнице... Слушай, вам ведь все равно помирать, хочешь, я этому пожилому сутенеру всю жизнь испоганю? Он от твоего пепла до гроба не прочихается!

– Мстить врагам? Да еще в то время, когда вот-вот придется предстать перед престолом Господа?! – ужаснулся голос справа.

Я их не слушал – Наташа бросилась ко мне, расталкивая стражников. Пока священники соображали, как им себя вести в свете сложившейся обстановки, она уже прижалась

к моей груди, дрожа, словно потерянный ребенок. Мы смотрели в глаза друг другу, не в силах произнести ни слова от переполняющих нас чувств. Девочка моя, как же долго тебя не было... Я вновь окунулся в горячий омут ее бездонных глаз. Вокруг шумели люди, звенело оружие, священники взывали к небесам, военные отдавали приказы, – казалось, все это происходит где-то далеко, на киноэкране, а мы, сумасшедшие влюбленные, озвучиваем весь фильм поцелуями. Наташа осторожно гладила меня кончиками пальцев по лицу, словно боясь, что я исчезну.

– Огня! Огня сюда... Сжечь их всех!

Краем глаза я увидел за ее спиной поднимающих алебарды стражников.

– Наташа! Осторожно, сзади...

Она повернулась к ним так резко, что ее волосы хлестнули меня по лицу. Наташа топнула и взмахнула руками – стражники посыпались с помоста, как кегли! Я не расслышал, какими словами она этого добилась, но моя жена – ведьма, и она находилась в мире, где магия имела настоящую силу. Какой-то особо ретивый офицер решил погеройствовать в одиночку. Он даже ухитрился запрыгнуть на помост и замахнуться мечом, но Наташа увернулась от удара. Сталь со свистом ударила в столб, плотно застряв в двух-трех сантиметрах от моего уха.

– Куда бьешь, козел безрогий?! – пискляво взвыл маленький Фармазон, перепуганно высовываясь из-под лезвия. –

Я же тебя в ефрейторах до пенсии ходить заставлю... Век воли не видать!

В ту же минуту Наташа глянула в глаза офицеру, он зажмурился, закрыл лицо руками и упал, вереща как сумасшедший:

– Ничего не вижу! Не вижу! Она ослепила меня... Я не вижу ничего... Ведьма проклятая!

– Кто это? – заинтересовался Иван, выйдя наконец из своего молчаливого ступора.

– Наташа, – охотно ответил я. – Моя жена, я вас попозже познакомлю. Сейчас она немного занята...

– Так ты бы помог ей, а?

– С радостью, самому без дела как-то неудобно, стою и стою...

– Ну, так слово скажи!

Я сдержанно зарычал в крайней степени бессильного раздражения.

– Сереженька, не гневите Бога! Очень вас прошу, пожалуйста, никаких заклинаний! – пользуясь моментом, встал Анцифер. К помосту выскочили арбалетчики, заскрипели рычаги, натягивая тетиву маленьких железных луков.

– Не смей! – заорал я так громко, что горло едва выдержало, на какое-то мгновение все стушевались. – Довольно глупостей, сию же минуту отпустите нас, или я за себя не отвечаю!

– Ты бессилён, колдун, ибо мы будем молиться, – неуве-

ренно ответил кто-то из священников.

– Ах, так... – Страшный треск ломающихся ворот заставил всех вздрогнуть. Наташа обернулась ко мне с удивленными глазами, ангел и бес зависли перед самым носом, возмущенно размахивая крылышками.

– Это не я...

От второго удара ворота слетели с петель, и в образовавшемся проеме показалась окованная щитами крутая грудь славянской ладьи.

– Так, значит, это не ты? – не сговариваясь, в один голос произнесли Наташа, Иван, Анцифер и Фармазон.

* * *

Когда к помосту быстро ринулись рослые крепыши в кольчугах с топорами и широкими мечами, оцепенение площади мгновенно переросло в панику. Монастырская охрана, не дрогнув, пыталась организовать оборону, но народ, разметав их, бросился в разные стороны. Мужчины хватили на руки детей, женщины вопили как резаные, монахи падали на колени, вздымая руки к небесам, хотя нападающие вели себя очень корректно. Они одним штурмовым ударом смели стражу у эшафота и быстро взяли его в кольцо, прикрывая друг друга круглыми щитами. Как-то не очень вяжется с поведением грабителей и пиратов, но русичи действительно больше никого не трогали.

– Степан! Федор! Здесь я! – радостно закричал Иван-царевич, и двое широкоплечих молодцов, разбрасывая вязанки хвороста, взялись за наши цепи... Я наконец смог обнять свою пропавшую жену.

– Братцы! – Мой товарищ был крепко помят объятиями родственников. – Вовек не забуду! Не бросили, не выдали, не дали сгинуть смертью страшную. До гроба буду Бога молить...

– Хватит уж, – ласково ответил старший, кажется Степан. – За тобой, дураком, ладьи повернули. Ох, Ванька, ты ведь не отрок уже, а разума нет как нет... Чего тебе со своим уставом в чужом монастыре понадобилось?

– Вино здесь из яблок. То самое!

– Да неужто?! – широко улыбнулся средний – Федор. – Дак купить сей же час надо, беспременно.

– Я и... чуть не купил...

– Украл?! – ахнули оба брата. Иван пристыженно кивнул.

– Честь царскую позоришь. – Степан сурово отвесил брату звучный подзатыльник.

– А уж коли воруеться, так не попадайся! – наставительно добавил Федор, подтверждая свои слова еще одной затрешиной. – Степанушка, ты бы поговорил с попами ихними. Пусть зла не держат, золота, сколь надо, мы уплатим. Берем сидр – да домой.

– И то дело...

Ну, в общем, на этом все счастливо и кончилось. После

недолгих переговоров русичи утрясли все неурядицы и развернулись назад. Два боевых корабля двигались на бревнах, смазанных жиром, ну еще плюс попутный ветер и...

– Сила нас влекла сюда неведомая, – вскользь бросил средний брат. – Колдовство али чародейство – не ведаю. Вчерашнего дня словно в голову всем ударило: надо ладьи посуху вести к монастырю дальнему. Зачем? Так и сами толком не разумели...

Русичи довели нас почти до реки, то есть как можно дальше от негостеприимных производителей сидра. Там мы простились, хотя, после рассказа царевича Ивана, его братья долго уговаривали меня вернуться с ними на Русь. Пришлось отказаться. Во-первых, как ни верти, я все равно не волхв; во-вторых, моя жена тихо шепнула свое весомое «нет»; в-третьих, мы тут и так задержались – пора домой. Квартира третий день без хозяев, надеюсь, хоть газ я не забыл выключить? На прощанье Иван уговорил меня принять от него на память массивный перстень с настоящим рубином. От предложенного меча я категорически отказался, видел, как управляются с оружием настоящие воины, – мне так никогда не суметь. Да и сама мысль о том, чтобы причинить кому-нибудь боль ударом заточенной стали, казалась довольно дикой, мы же цивилизованные люди... Я пожал руки всем трем братьям, вежливо поблагодарив за спасение и компанию. Они поклонились в пояс, а мой товарищ по тюремной камере клятвенно пообещал:

– Вернись к батюшке во дворец, сразу потребую, чтоб летописцы опытные всю историю эту дивную в книгах описали. Чтоб и потомки мои знали о Сером Волхве да Иване-царевиче и походе за сидром из молодильных яблок. Спасибо тебе великое за поэзию, что ладьи русские сюда привела. Удачи тебе, Сергей Александрович, храни вас Господь!

...Паруса славянских ладей остались далеко позади. Мы шли под руку неизвестной мне дорогой. Наташа больше молчала, требуя от меня подробного отчета о всех событиях, связанных с ее исчезновением. Оказывается, сама она ничего такого не помнила.

– Когда ты назвал меня по имени, там, у столба, что-то изменилось в мире... словно пелена с глаз упала! Я неожиданно поняла, что давно знала тебя, что ты мой муж, что мы любим друг друга, но... больше я не помню ничего. Любимый, пожалуйста, расскажи все с самого начала.

– Девочка моя, как же тебе досталось... – Так, перемежая речь объятиями и поцелуями, мне удалось достаточно сносно объяснить ей, кто я и кто она, каким образом мы познакомились, как она попала в чужой мир, как я пошел следом, кто такие Анцифер и Фармазон, каким образом я попал на костер, и... вот тут она меня перебила:

– Почему ты не воспользовался своей силой?

– Ну... как бы... я оказал некоторое сопротивление на допросе. Сейчас даже вспомнить стыдно... вел себя как неуравновешенный шимпанзе, свихнувшийся на почве

потерянной самки. Перекусал половину монастыря, царалпался, плевался...

– Ты? – вытаращила глаза Наташа.

– Самое ужасное – я... Фармазон воспользовался временным отсутствием ангела и захватил власть над моим телом. Боже, что я несу? Тебе это, наверное, представляется сущим бредом...

– Вовсе нет. Значит, ты был просто одержим демоном. Такое случается, но я не об этом... Почему ты не применил магию?

– Любимая, и ты туда же? – с упреком насупился я.

– Сережка, ты что, действительно не понимаешь, чем владеешь?! Ты же колдун! У тебя просто невероятная магическая аура. Сила такого уровня способна перевернуть мир. Мы будем властителями Вселенной!

– Пошли домой, а? Я уже голоден, а в холодильнике пельмени оставались.

– Мы построим неприступный замок на вершине какой-нибудь горы... – Похоже, моей женой овладели нездоровые фантазии, раньше она была очень скромной девочкой. – Ты соберешь под свои знамена огромную армию, нам покорятся все народы, мы завладеем Семью Книгами Магов, и никто не дерзнет противиться нашей воле!

– Любимая, ты больна... – Я не сразу углядел искорки смеха, прыгающие в ее хитрющих глазах. Вместо ответа она со счастливым визгом прыгнула мне на руки, наш поцелуй

был долог и приятен...

– А все-таки, почему они все решили, что ты колдун?

– Ну, это же дикое средневековье... Увидели посреди ночи постороннего человека в нестандартном костюме, при галстукe – значит, поборник Сатаны. Священнослужителю пару строк процитировал, а у него именно в тот момент неожиданно произошло судорожное онемение голосовых связок. Возможно, это называется другими словами, я не врач-отоларинголог, чтобы точно поставить диагноз.

– Ты его заколдовал?!

– Все. Сдаюсь! Если уж даже собственная жена мне не верит, тогда чего ждать от остальных? Будь по-вашему, я – колдун. Готов даже взять себе цирковой псевдоним – Корней Бессмертный. Будем работать в одной труппе, давая выступления в больших городах с бурным успехом. А теперь, матушка грозная царица, твоя душенька довольна? Тогда пошли домой.

– Но... в общем, мы туда и идем, – пожала плечами Наташа. – Ты еще не устал меня нести?

– Пока нет, если упаду от изнеможения, то не раньше вон тех сиреневых кустиков.

– Это граница наших владений. Опустим меня, пожалуйста.

Мы подошли к засохшему кусту орешника, на его ветках болталось не меньше сотни голубоватых тряпочек и лент, в солнечном мареве они казались сиреневыми.

– Крестьяне верят, что синий цвет сбережет их животных

от зубов хищников. Они привязывают эти лоскутки в надежде умиловить Зло.

– И помогает? – тихо спросил я.

– Нет, просто так им легче. Синяя материя наиболее дешева, но цвет как средство борьбы... На таком солнце уже к вечеру выцветает до голубого.

– Нам тоже стоит поддержать народную традицию?

– Зачем? Ты ведь мой муж, тебя и так примет стая...

* * *

Наташа сделала плавное движение рукой вниз и влево, впечатление такое, словно открывала вход в туристскую палатку. Но вслед за ее пальцами воздух завибрировал, часть горизонта отклонилась в сторону, открывая чернеющую щель прохода в... никуда.

– Сергей Александрович, вы куда?! – Прямо передо мной материализовался белый ангел.

– Анцифер? Давненько вас не было видно, – улыбнулся я. – Вот видите, мы все-таки нашли друг друга. Позвольте вас представить... Тьфу! опять забыл... Наташа, извини, ко мне пришли.

– Твои духи? – догадалась она, отнесясь к моему утвердительному кивку совершенно серьезно. – Я тебя подожду, только не задерживайся надолго. Слишком легко нам удалось вырваться из рук святой инквизиции, обычно такое

не прощается.

– Как скажешь, королева. Анцифер, я действительно рад...

– Сережа, куда вы идете?! – перебил меня ангел, нервно топорща перья лебединых крыл. – Вы что, совсем ополоу... прошу прощенья! Но ведь и думать иногда надо. Головой, а не другим местом. Позволю себе напомнить, что ваша жена – ведьма! Так куда же она вас заведет?!

– Амиго, не задавай пылким влюбленным глупых вопросов... – вдохновенно мурлыкнул черт, романтически приобнимая брата за плечи. – Как говорится – совет вам да любовь! Будьте счастливы! Пишите письма! Назовите дочку Васей и пришлите фотографию в полный рост, как только у девочки прорежутся два зуба...

– Я настоятельно рекомендую вам туда не ходить!

– Да мы, собственно, никуда и не идем... – почему-то начал оправдываться я. – Просто перед возвращением в Петербург Наташа должна забрать свои вещи, вернуть ключ хозяевам, попрощаться со стаей...

– С кем попрощаться?! – ахнул Анцифер. – С нечистой?

Я неуверенно заткнулся. Действительно, непонятно как-то... Жена (ведьма, оборотень, волчица) ведет меня (поэта, писателя, интеллигентного человека) за ручку – куда? В волчью стаю? В притон оборотней? В подземелье ведьм?

– Сережа, чем это он у тебя интересуется?

– Любимая, я пытаюсь найти для Анцифера удобовари-

мую причину для оправдания моего визита в... Сам не знаю куда, но, по его мнению, там страшно.

– Ничего особенного... Город как город, – фыркнула она.

– Вы слышали? Ничего особенного.

– Не пущу! – Ангел отважно растопырил руки, грудью став на моем пути. – Вспомните, к чему привело Адама грехопадение Евы... В каком таком городе может жить стая волков-оборотней? Что вы там забыли? А если, несмотря на то что вы ее муж, вас кто-нибудь по ошибке укусит?! С меня же в канцелярии голову снимут! Нет, любезнейший, уж если ей так приспичило юбку оттуда взять, пусть сама ходит и забереет. Не велика барыня...

– А ты не лезь не в свое дело! – тут же вступился лукавый, ненавязчиво подталкивая меня ладошками в спину. – У них семья, они сами во всем разберутся. Хочет он сходить в гости к оборотням – пусть идет. Может, ему на этом свете уже неинтересно?

– Да речь не столько о нем, сколько о ней...

– О ней? Ну, мало ли причин может быть у замужней женщины для привода любимого супруга в бандитский притон. Может, ей благоверный наскучил, может, у нее своя доля в этом деле, а может, просто черный цвет к лицу? Короче, отвяжись! Давай, Серега, бери жену и двигай в ритме вальса...

– Я вас не пущу!

– Серега, беги! Я его задержу...

Близнецы так дружно взялись за дело, что у меня от возмущения даже речь пропала. Эти наглецы решили самолично распорядиться моей жизнью! Один недуром пихал меня в грудь, отодвигая подальше от черной дыры, другой столь же рьяно толкал в спину, а в результате меня кидало, словно мячик, то вправо, то влево. Представляю себе, как это выглядело со стороны.

Наташа, посмотрев на такое безобразие, сдвинула брови, топнула ножкой и грозно потребовала:

– Силы Света и Тьмы, заклинаю вас всей мощью Добра и Зла – сейчас же оставьте в покое моего мужа, идиоты!

Анцифер с Фармазоном остановились для обмена недоуменными взглядами. Воспользовавшись этим, я перестал раскачиваться и попытался отдышаться.

– Что вам обоим от него нужно?

– Один требует, чтобы я с тобой не ходил, другой настаивает на противоположном. Причем и тот и другой свято убеждены, что я там не выживу. Девочка моя, ты можешь более популярно рассказать мне о том городе, куда мы отправляемся?

– Конечно могу, но сейчас на это нет времени. Повернись, ты их видишь?

Мы трое обернулись. Вдоль линии горизонта растянулась длинная цепь всадников, копыта и кирасы блестели в лучах полуденного солнца. Если применить дедуктивный метод, то лично я бы предположил, что это обиженные солдаты

из злополучного монастыря. На русские ладьи они напасть не решились, а вот догнать беззащитную супружескую пару – на это особенной храбрости не надо.

– Кто же там так о нас соскучился? – задумчиво протянул черт, сложив ладони в подобие бинокля и хитро щуря глаза. – На первый взгляд ни одного знакомого лица. Нет, нет... вон тот офицер слева, на вороном коне с белой звездой во лбу, – я его знаю. Помните, он еще едва не попал по мне своим дурацким мечом? Потом твоя супружница быстренько лишила его зрения. Видимо, ненадолго...

– Любимый, пойдем. – Наташа решительно взяла меня за рукав. – Если они нападут все одновременно, я не сумею тебя защитить.

– Сергей Александрович, умоляю, ради всего святого, возьмитесь за нас с Фармазоном и бежим в другой мир!

– Ни за что! Им и здесь хорошо. Они славно пожили, познали любовь и разлуку, горечь потери и счастье встречи... Зажились, одним словом. Пора, пора... Возвышенная смерть вдвоем, рука в руке, с последним поцелуем под копытами разгоряченных коней... Что может быть романтичнее?

Я схватился за голову. Три голоса, перекрикивая друг друга, обрушились на меня одновременно. Каждый убеждал, грозил, возмущался, увещевал, требовал... Я начинал неторопливо сходиться с ума, а всадники неумолимо приближались.

– Мол-ча-а-ать!!!

Близнецы заткнулись мгновенно, один от удивления, другой от восхищения моим командирским воплем. Наташа все восприняла иначе.

– Это ты... мне?! – В глазах моей жены зажглись недобрые огоньки, но, прежде чем она успела произнести еще хоть слово, я запечатал ее губы долгим поцелуем. Во-первых, давно хотелось, а во-вторых, так безопаснее. Если ваша жена ведьма, то стоит научиться останавливать ее гнев до того, как он сформируется в заклинание, превращающее вас, например, в тумбочку.

– Сереженька, а нельзя ли...

– Ну, не лезь, не лезь, зануда! Солдатам еще целых пять минут сюда скакать. Дай людям поцеловаться напоследок. Ля мур – такое дело!..

Я зыркнул на них, вздернув бровь, оба отвернулись, но продолжали перешептываться.

– Любимый... я... уже почти забыла, как ты это делаешь. Я... люблю тебя! Поцелуй меня еще раз...

До нас уже долетали возбужденные крики солдат. Наташа вновь нахмурила брови, а потом неожиданно встряхнула меня, взявшись за лацканы пиджака:

– Сережка, ты же у меня колдун – прочти что-нибудь!

– Точно! – поддержал Фармазон. – А ну-ка, братан, колдани им промеж ушей так, чтоб одуванчики из глаз посыпались. Давай-давай хотя бы в порядке эксперимента...

– Ну же, милый мой, прочти какое-нибудь подходящее

стихотворение, иначе они действительно нас растопчут.

– Любимая, сколько раз можно повторять – я не колдун!

– Укушу за ухо, – честно предупредила она.

Я вздохнул и мельком взглянул на Анцифера, ангел невнятно пожал плечами, кивком головы выражая молчаливое согласие.

– Ладно, если вы все настаиваете. Только я не знаю, что бы такое выбрать... Все стихи в основном о любви.

– Маэстро, не кокетничайте, – поторопил черт. – Читайте первое, что взбредет в голову, или нам тут всем обеспечат бесплатный проезд с красивой музыкой... до ближайшего кладбища!

Я откашлялся и с выражением начал:

Для графини травили волка.

Его поступь была легка...

Полированная двустволка –

Как восторженная строка!

Он был вольный и одинокий.

На виду или на слуху.

Стрекотали про смерть сороки

Беспардонную чепуху.

Упоенно рычала свора,

Егеря поднимали плеть –

Все искали, где тот, который

Призван выйти и умереть?

Нет, любимая... Даже в мыслях
Я не буду ничей холоп.
Я уже не подам под выстрел
Свой упрямый звериный лоб.

И моя негустая шкура
Не украсит ничей камин.
Пуля – дура? Конечно, дура...
Только в поле и я – один...

Все бело, и борзые стелют
Над равниной беззвучный бег.
Эх, дожить бы хоть до апреля –
Поглядеть, как растает снег,

Как по небу скользят беспечно
Облака до краев земли...
И влюбиться в тебя навечно,
За секунду
до крика:
«Пли!»

На последней строфе буквально из-под земли вырвался огромный серый волк и, перепугав половину лошадей, ушел влево. Всадники, как по команде, развернулись в погоню, совершенно не обращая на нас никакого внимания. Наташа прижалась к моей груди, задумчиво мурлыкнув:

– Это даже еще эффективнее, чем я предполагала. Любимый, ты уверен, что не хочешь заняться магией профессионально? Я познакомлю тебя кое с кем в Городе.

Фармазон и Анцифер снова пустились выяснять, в чье ведомство отнести совершенный мною поступок. Вроде бы на первый взгляд колдовство – великий грех, и значит, победил черт. Но ведь никто не пострадал, и вообще я сам отношусь к себе как к поэту, а не как к чародею. Опять же, спасти Богом данную жену – явно хороший поступок. Я махнул на них рукой. Пока мою голову забивала лишь одна мысль о том, что с этим волком мы уже где-то встречались...

* * *

Я опомнился, лишь ощутив себя в новом мире. Видимо, пока я считал ворон, моя жена успела втолкнуть меня в проем. Вокруг была ночь. Неизвестный город переливался разноцветными огнями неоновых реклам. Мы находились на широкой улице перед старинным русским кремлем. Несмотря на позднее время, в воротах топтались лоточники, всю торговали сладостями и мороженым, везде сновали празднично одетые люди. Созвездия над головой были совершенно незнакомыми, но невероятно яркими, а воздух дышал теплом и запахом акаций. Не знаю, уж что там напридумал Анцифер, лично мне сразу стало так легко и уютно... Казалось, я жил здесь много лет назад, знаю каждую улочку,

каждый дом, каждое дерево и город тоже помнит меня. Наташа ласково потерлась щекой о мое плечо:

– Мы пришли. Тебе здесь нравится?

– Да. Такое впечатление, что я вернулся домой. Если верить в теорию множественности жизней, то наверняка это и есть мой родной город.

– Я так счастлива, любимый... – Она смотрела на меня самыми влюбленными глазами. – Пойдем, наш дом совсем рядом, через две улицы.

Мы шли по тротуару, неспешно разговаривая о чем-то не слишком важном, мимо пронеслись автомобили, в соседнем парке прогуливались мамы с колясками, фонари светили вовсю, и я уже почти забыл, что попал сюда из несуразного средневековья. Боже мой, да ведь меня там чуть-чуть не затоптали религиозные фанатики, едва не загрыз зверь-оборотень, а потом еще и сжечь собирались... Ну хорошо хоть это все кончилось без эксцессов. Мы с супругой нашли друг друга, я жив-здоров и не намерен больше лезть в экстремальные ситуации, а значит, мы тут немного отдохнем – и назад в Петербург. Можно вздохнуть поспокойнее.

– Хотелось бы погулять подольше, но, честно говоря, я уже столько набегалась за сегодня. Да и ты, бродяга, когда брился в последний раз?

Я провел пальцами по трехдневной щетине, невольно перевел взгляд на жену и ахнул. Крестьянское платье и накидка с капюшоном бесследно исчезли, Наташа красовалась в ко-

роткой черной юбке, черном пиджачке с резными пуговичками, черных же туфельках на каблуке, да еще очки на носу в эффектной золоченой оправе. В ответ на мой удивленный взгляд она счастливо рассмеялась.

– Глупый мой, как же мало ты знаешь о настоящей магии. Любая ведьма мгновенно меняет свой облик в соответствии со временем и местом. Не веришь? Вот послезавтра я свожу тебя в Древний Китай эпохи Мин. Там у меня такое роскошное зеленое платье! Ты просто...

Неведомая сила страшно толкнула меня в бок. Я покатился по асфальту в обнимку со своей элегантной ведьмой, а на том месте, где мы только что стояли, визгливо взвыли шины пролетающего автомобиля. Серебристо-серый «мерседес» вывернулся из-за поворота на зеленый свет и мгновенно скрылся в ночи.

– Мой костюм...

– Дорогая, тебе не кажется, что этот псих пытался нас сбить! – возмущенно начал я, морщась от боли в ушибленном колене.

– Мой костюм?! – Оперевшись на мою руку, Наташа с закипающей яростью уставилась на порванные колготки и висящий на трех ниточках рукав. Левая туфля, видимо, попала под колесо, а поднятые очки украшала трещина вдоль обоих стекол. – Где этот гад?! Куда он поехал? Я же сейчас...

– Любимая, это бесполезно...

– Он же теперь только до ближайшего столба и доедет!

Он до старости будет мне на итальянские колготки зарабатывать! Я ему такое устрою...

– Девочка моя – все! Все... успокойся.

– Я – успокойся?! Это ты мне говоришь: успокойся?! Ладно, сейчас я им всем – успокоюсь...

Она гневно сузила глаза, и две ближайšie к нам машины почему-то столкнулись друг с другом. Дальше – больше. В образовавшуюся пробку влетел микроавтобус, за ним три рокера на мотоциклах, еще один милицейский с коляской и, венчая все сооружение, – карета «Скорой помощи» с красным... полумесяцем?! Я протер глаза, мы что же, в Турции?

– Не обращай внимания... – отмахнулась Наташа. – Мир как мир, город как город, просто не каждая символика обозначает здесь то же, что на Фонтанке.

– Это... ты? Ты сделала все... всю... аварию! Там же ни в чем не повинные люди!

– Подумаешь... Никто не пострадал, но надеюсь, что до того гада в «мерседесе» я все-таки дотянулась.

Действительно, ругающийся и вопящий народ возбужденно замахал руками, выкрикивая нечто, похожее на малопонятные белые стихи. Буквально в ту же минуту покореженный транспорт взвился в воздух и медленно опустился обратно на дорогу, совершенно новенький, без единой царапинки. Возможно, я впал в некоторый столбняк. Этот город был наполнен магией, словно средняя полоса России березовыми пеньками. Все здешние жители владели волшеб-

ством так естественно, как петербуржцы определением погоды в другом конце города за неделю вперед. Я впервые обратил внимание, что у большинства прохожих были вертикальные зрачки. Две молодые девчушки прошмыгнули рядом, хохоча во все горло и демонстрируя народу великолепные отточенные клыки. У кого-то проглядывали маленькие рога, кто-то цокал не каблуками, а копытцами, некоторые дамочки вертели хвостом перед своими кавалерами отнюдь не в переносном смысле. Весь город был населен нечистью, или, если хотите, представителями нетрадиционных магических меньшинств. Здесь они были в большинстве. Надеюсь, это хоть как-то подразумевает присутствие отдельных нормальных людей? Очень хочется верить, что я здесь не один...

– Сереженька, кажется, вы не очень ушиблись? – раздался виноватый голосок с моего правого плеча. – Простите, Христа ради, но у меня не было иного выхода... Этот пожилой тип за рулем – он же просто сумасшедший! Он намеренно пытался вас сбить...

– Так это вы толкнули меня так, что мы оба покатались вверх тормашками? – шепотом ответил я. – Ну, Анцифер... спасибо, конечно, но если моя жена узнает об истинном виновнике ее безнадежно испорченных колготок...

– Женщины чудны и многообразны, – философски промурлыкал черт слева. – Ты вот ей жизнь спасаешь, буквально из-под бампера за косички выдергиваешь, а она же на тебя еще и нос морщит. Что легче – ее утащить от машины

или машину оттащить от нее? Любому дураку ясно... но попробуйте объяснить это женщине!

– Ладно, ребята, сейчас не время для споров. Поговорим позже, когда будет свободное время.

– Мне кажется, что несколько минут никак не решат...

– Братан, ну откуда им взять эти минуты?! Ты был хоть когда-нибудь влюблен? – Близнецы ударились в долгий спор, используя мои уши на манер телефона. Я старался не обращать на них внимания, Наташа вела меня под руку, но какие-то обрывки фраз все равно долетали.

– Циля, если ты будешь лезть к ним под одеяло со своими дурацкими правилами...

– Я всего лишь хочу, чтобы они вернулись домой и сходили в церковь. Ему стоит покаяться во многих грехах, да и у нее (несмотря на то что она ведьма) светлая душа, а значит...

– Но хоть пару дней ты можешь их не тревожить, моралист занюханный?! Они два молодых, здоровых человека, у них... потребности есть. И право на личную жизнь, в конце концов!

– Вот вернутся домой, исповедуются, выстоят службу, получают благословение – и ради Бога! Мы же не дети, все-все понимаем...

– Слушай, ты ангел или агент полиции нравов?

– Да тебе дай волю, так ты бы его только по борделям и таскал!

– А в глаз?!

Потом голоса как-то незаметно смолкли. Возможно, ребята и впрямь отправились на ближайший пустырь выяснять отношения. Мы же поднялись на третий этаж высокого особняка. Ничего особенного, если не считать соседки этажом ниже. Она высунулась в дверь, прожигая нас злобыным взглядом. Более страшной рожи я не видел... Что ж это за бабу-ягу к нам подселили? Ненароком воду в ванной перельешь или музыку слишком громко включишь – скандалу не оберешься. Интересно, как тут скандалят, если каждый житель способен наслать на другого такую порчу, что и подумать страшно? Надо будет поговорить с Наташей, а то как-то неуютно мне здесь... За хлебом не выскочишь, кругом сплошная нечисть. Если еще и в самом доме будет твориться черт-те что... Так и есть – вместо того чтобы открыть дверь ключом, супруга рывкнула на нее, нетерпеливо притопнув каблучком, та мгновенно открылась.

– Сколькимнатная у тебя квартира? – тихо выдохнул я.

– Прихожая, кухня, туалет, ванная, спальня, гостиная, сауна с бассейном, тренажерный зал, солярий, рабочий кабинет, лаборатория, небольшой каминный зал, кладовка и дамская комната, – скромно продекламировала она.

Размеры и убранство ошеломляли, мебель всех стилей и направлений только авторской работы, повсюду ковры, вазы, картины, какие-то африканские маски, японские игрушки, диковинные растения, сухие цветы, оружие, шкуры животных и самая современная видеотехника. Моя жена ока-

залась богатой женщиной...

– Ничему не удивляйся, все это наколдовано. Здесь каждый устраивает себе быт по собственному вкусу. Если ни одна из имеющихся комнат тебе не подойдет, я сотворю дру- гую в соответствии с самыми придирчивыми требованиями. Просто скажи, чего тебе хочется, и все.

Я молча развел руками, сказать нечего. Наташа многозна- чительно улыбнулась и потащила меня в ванную. Потом, да- же не дав раздеться, просто втолкнула под душ и, встав ря- дом, прервала все мои протесты таким поцелуем... Что же она со мной делает? Ведьма... ведьмочка... любимая...

* * *

Я проснулся от настойчивого звонка в дверь. Вставать не хотелось ужасно... Наташа спала, отодвинувшись к стене и с головой завернувшись в шелковое одеяло...

– Любимый... – час назад, тяжело дыша у меня на плече, попыталась объяснить она. – Отпусти, пожалуйста. Если я еще хоть раз тебя поцелую, то мы уже до утра не дадим друг другу уснуть. Завтра очень напряженный день, я хочу пред- ставить тебя стае, давай хотя бы немного просто поспим...

Я кивнул и погладил ее по щеке. Моя жена – самая лучшая женщина, во всех смыслах... Так вот она-то уснула мгновен- но, а я, едва задремав, был поднят на ноги этим проклятым трезвоном. Господи ты Боже мой, ну кому там может приий-

ти в голову припереться в гости в три часа ночи?! Нашупав в темноте брюки, я прошлепал по всем комнатам, пока не оказался в прихожей. Дверного глазка не было, поэтому пришлось просто погромче спросить:

– Кто там?

– Мне нужна Наташа, – глухо донеслось после некоторого молчания.

– Она спит, зайдите днем.

– А кто это?

– Ее муж, – уже поворачиваясь, буркнул я, но не успел сделать и пары шагов, как вновь зазвенел звонок. В крайнем раздражении полусонного человека я повернул ключ в замке и распахнул дверь. Дальше была немая сцена ужаса. На лестничной площадке, оскалив зубы, напряжись, стоял... волк! Тот самый! Серо-пепельный с сединой, с вздыбленной шерстью, он казался от этого еще огромнее, а желтые глаза излучали такую всепоглощающую ненависть... Я вцепился в ручку двери, глядя на него как парализованный. Этот оборотень преследовал меня. Он хотел меня убить. Я вдруг необычайно ясно понял, что в моей жизни появился самый настоящий враг! Не завистник, не клеветник, не хам трамвайный, а именно – враг. Некто, жаждущий моей смерти и добивающийся своей цели с упорством маньяка. Видимо, на какую-то долю секунды я вздрогнул... В тот же миг зверь молча бросился вперед. Я с не меньшей скоростью рванул назад, под декоративную защиту двери. Волк ударил

в нее всей грудью и, встав на задние лапы, начал вжимать меня в квартиру. Я со своей стороны тоже навалился плечом и не уступал. Защелкнуть замок не удавалось, оборотень был сильнее, сквозь медленно увеличивающийся проем меж косяком и дверью доносилось яростное сопение зверя. Мы боролись, как в тот раз, в тюрьме, снова один на один, не выясняя причин, не утруждаясь вопросами, не тратя времени на пустые формальности типа: кто, за что, почему? Мои босые пятки, скрипя, заскользили по паркету, волк напирал.

– Сереженька, я – с вами! – В дверь уперлись интеллигентные ручки белого ангела.

– Трудитесь, мужики? – бодро поинтересовался Фармазон, прикладывая к общему делу и свое плечо. – Я тут было подумал этому волку позорному помочь (грязные штучки мне по штату положены...), но ведь если он тебя съест, то кому же я такой неулыбчивый нужен? Во что-нибудь поганенькое я тебя всегда втравить успею, ты мне для этого дела живой нужен. А ну, навались, разом, дружно!

Под нашими утроенными усилиями оборотень попятился, и клацанье сработавшего замка прозвучало как финальный аккорд всей драки. За дверью раздалось раздраженное рычание и тихие шаги вроде бы вниз по лестнице.

– Он... сюда не ворвется?

– Не бойсь, Сергунька, ты под охраной верных конвоиров. – Бес фамильярно похлопал меня по плечу. – Тут ведь везде сплошная магия – ни один гад к тебе не войдет, если ты

его сам не вступишь или не позовешь. Хочешь проверить? Вот кликни сюда эту дворняжку-переростка...

– Не вздумайте даже, экспериментаторы... Ты чему его учишь, мерзавец?!

– Я не мерзавец, я – классовый враг!

– Ну и чем ты гордишься-то, чем гордишься?

– Все, ребята, довольно разборок... Спасибо вам. – Я поочередно протянул руку обоим. Рукопожатие Анцифера было теплым и мягким, а ладонь Фармазона оказалась жесткой и сильной. – Жена спит уже, пошли на кухню, там поговорим. Вы ведь не просто так заявились?

Ангел лишь кротко вздохнул, пока его черный братец ловко «национализировал» холодильник. Мы расселись на табуретках, а на столе в мгновение ока появились и сыр, и колбаска, и нарезанный батон, и даже консервная баночка с крабами.

– Сергей Александрович, должен признать – вы, как всегда, правы. Мы пришли к вам по делу. Можно сказать, ведомые суровой необходимостью. Сами понимаете...

– Водки нет, – испуганно вставил Фармазон.

– Не перебивай! Так вот, я только-только хотел сказать, что нами движет лишь естественное желание помочь всеми нашими...

– Водки же нет!

– Не перебивай, невежественный субъект, незнакомый с элементарными нормами культурного поведения.

– Серега, у тебя в доме кто-то водку скоммуниздил... – совершенно потерянным голосом заключил побледневший черт.

Анцифер напряженно втянул ноздрями воздух, прикрыв глаза и сдвинув брови, но я поспешил вмешаться в назревающий инцидент:

– Спиртного действительно нет, даже искать не надо. Лично я предлагаю всем чай. Для особо желающих остался томатный сок в пакете. Если отлить немного, то, возможно, Наташа не заметит, хотя любит его безумно, и обычно все попытки обделить ее соком кончались плачевно. Причем именно томатным... На апельсиновый или яблочный даже не взглянет.

– В таком случае – все пьют чай, – переглянувшись, кивнули близнецы.

Пока я разливал, Фармазон бормотал что-то невнятное о том, что «...все женщины и так не сахар, а уж провоцировать на праведный гнев еще и натуральную ведьму?.. Да на фиг надо?! Ради рюмки паршивого томатного сока...».

– Значит, дело обстоит так. Мы тут обшарили весь город и убедились, что вы попали не туда. Совсем не туда.

– То есть?

– То есть – абсолютно! Это мир колдовства. Здесь ночью оживленнее, чем днем, потому что вампиры встают из гробов. Тут упыри и вурдалаки шастают по улицам, как по собственной квартире. Здесь на каждом углу сталкиваешься

с волшебником или ведьмой, с оборотнем или колдуном, с магом или чародейкой. Все население так называемого Города – сплошь нечистая сила. Нормальный человек здесь жить не сможет... А потому настоятельно рекомендую – будите вашу супругу и бегите отсюда не оглядываясь. Мы постараемся вытащить вас обоих.

– Признаться, мне и самому здесь уже как-то неуютно. Вернее, сначала было даже очень хорошо, пока я не понял истинного облика горожан. Наташа обещала завтра представить мою особу честному собранию. Полагаю, что как мужа ведьмы меня никто не тронет, но долго жить в условиях невозможности самостоятельных прогулок под луной... С чисто профессиональной точки зрения, как для поэта, для меня это совершенно неприемлемо. Надо возвращаться в Питер.

– М-м... сбавь обороты, старик, – чавкая, протянул черт, а я неожиданно обратил внимание, как быстро росла перед ним горка конфетных оберток. – У тебя ведь вроде неплохо получалось наводить шороху этими своими стишками. Может быть, стоит задержаться здесь на недельку-другую да попрактиковаться как следует в рифмованной магии? И жену порадуешь, и сам в крутого чародея переквалифицируешься. Не спеши отбрыкиваться, подумай...

– Нет. Я твердо решил. Мы возвращаемся. Не сейчас, естественно, ради чего мне жену посреди ночи будить? Утром встанем, позавтракаем – и вперед.

– Может, все-таки сейчас? – взмолился Анцифер.

– Может, все-таки задержишься? – в том же тоне поддержал Фармазон.

– Нет, ребята. Я пойду, надо хоть немного поспать перед дальней дорогой. Вы уж извините, досиживайте здесь до утра, все, что в холодильнике и на плите, – в вашем распоряжении. Пожалуйста, извините за неуважение к гостям, плохой я сегодня хозяин. Мне пора...

Ангел кротко вздохнул, черт скривил рожу и переключился на сервелат. Я быстренько добрался до спальни и уснул мгновенно, едва коснувшись головой подушки. Спал, как ребенок, сны мои были радужными и добрыми. Если бы я только знал, ЧТО меня ожидает по пробуждении...

* * *

Уже ощущая сквозь прикрытые веки, как лучики солнца щекочут ресницы, я, еще не полностью проснувшись, потянулся к жене, обнимая ее за плечи. Неожиданно тело Наташи так напряглось, что я вздрогнул. Она, резко подскочив, села на кровати, вперила в меня грозный взгляд.

– Ты кто?!

Вместо ответа я сонно улыбнулся и попытался продолжить желанные объятия, но Наташа шарахнулась от меня, как честный прокурор от бомжа со взяткой. В ее круглых глазах заметались опасные молнии, пальцы, прижимающие

к груди одеяло, побелели, а в голосе прорезалось шипение:

– Кто ты такой?! Что ты делаешь в моей постели, мерзавец?

– Пока все еще ничего не делаю, просто лежу. – Я почему-то счел происходящее некой любовной игрой, прелюдией, так сказать, и на свою голову добавил: – Но отлично понимаю, что мое бездействие преступно. Поэтому двигайся поближе, и я начну активно заглаживать свои грехи. Приступим...

– Негодяй! Скотина! Каналья! – взорвалась она. Господи, да я отродясь не видел ее в такой ярости. – Как ты сюда попал, гнусный развратник?!

– Ну зачем же такие громкие слова? Я всего лишь тихий прелюбодей...

Моя последняя шутка, видимо, показалась ей не очень удачной. Даже более: вместо беззаботного смеха она довела мою жену до последней степени каления. Маленькие молнии, метавшиеся в ее почерневших глазах, сконцентрировались, объединились и мощным электрическим разрядом буквально взорвали то место, где я только что лежал. Это Анцифер с Фармазоном чудом успели выдернуть ошарашенного меня из-под обстрела.

– Наташа! Солнышко, успокойся...

– Ах ты, дрянь озабоченная! Ты и имя мое узнал, маньяк-недоучка?!

Прячась от следующей молнии, мы бросились на пол уже

втроем. Пришлось экстренно уползать за пуфик, поскольку остановить несанкционированный гнев жены-ведьмы практически невозможно.

– Ну и завелась твоя баба... За какое место ты ее укусил, резвый сексопатолог?!

– Фармазон, пойдите к черту!

– Оригинальное предложение, – сдержанно хихикнул Анцифер. – Но кое в чем он все-таки прав, почему она на вас нападает? Просто ужас какой-то...

– Ничего подобного! – огрызнулся я. – Подумаешь, молодая женщина встала не с той ноги... А может, у нас такой внутрисемейный способ разряжать пасторальную атмосферу маленьким домашним катаклизмом. Сейчас я скажу волшебное слово, и вы просто поразитесь, какой шелковой она станет. Наташа! Я тебя люблю!

Она на секунду задохнулась, а потом ударила с такой силой, что рухнула люстра и от нашего ненадежного укрытия остались только дымные лоскутки.

– Мы просто поражены! – в один голос заверили меня два брата-акробата, резво отгребая в стороны.

– Что ты делаешь, психопатка?! – в голос завопил я, храбро вскакивая на ноги. – В доме посторонние люди. Прекрати сейчас же, мне перед друзьями неудобно!

– Так ты, извращенец, здесь не один? – почти ласково пропела Наташа, недобро сощутив глаза.

– Серега, Серега, ты че, в натуре?! Не надо нас сюда вме-

шивать. Сами разбирайтесь, а мы еще жить хотим.

– Я – твой муж!

Вот это, как оказалось, было совсем уж напрасно. В комнате словно потянуло сквозняком. Лицо Наташи превратилось в маску злобы и презрения. Она отпустила одеяло, на минуту представ передо мной в своей ослепительной нагоде.

– Ведьма не может иметь мужа. Я – ведьма! За такое оскорбление ты заплатишь кровью.

Прежде чем я успел хоть как-то возразить, она прогнута, совершая сложный кульбит, и... на широкой кровати встала яростная серая волчица.

– Так... это уже не любовь... – Больше я ничего не успел сказать. Волчица прыгнула вперед, а мы трое бросились наутек. О попытке сопротивления не было и речи. Она догнала нас в две минуты, но я исхитрился кубарем вылететь на балкон и, не задерживаясь, сигануть с перил. Страшные зубы клацнули в невероятной близости к моей пятке. Упасть вниз мне не дали. Ребята вовремя замедлили мой полет с третьего этажа, дав возможность зацепиться за какие-то бельевые веревки. Я повис как раз напротив двери нижнего балкона. Сверху доносился бешеный рык обозленной хищницы.

– Держитесь, Сереженька. Сейчас мы вас раскачаем, попытайтесь встать на перильца, а там зовите хозяев. Будем надеяться, что к вашему возвращению она отойдет.

Я неуверенно кивнул. В этот момент балконная дверь на-

ших нижних соседей распахнулась, и на меня уставилась та самая соседка в домашнем халатике и бигуди. Помнится, я еще назвал ее бабой-ягой. Увидев меня, она побледнела так, словно отхлебнула цинковых белил. Губы старухи затряслись, а ее саму стала бить нервная судорога. До меня не сразу дошло, чего это она так в меня вперилась? Ну, висит на ее веревке перед ее балконом голый интеллигентный мужчина. О мать Тереза... На мне действительно не было даже ниточки. Но ведь я же вставал с постели от законной жены, и... сами понимаете... она же не дала мне возможности хоть что-то накинуть, сразу бросилась в драку!

– Д-доброе утро... – с натянутой улыбкой выдавил я.

В ответ бабка так завизжала, что мои пальцы едва не разжались самостоятельно. Я попытался подтянуться наверх, но там по-прежнему яростно скалила зубы моя любимая... волчица. Соседка вышла из столбняка и опрометью скрылась в квартире. Прилетела обратно буквально в ту же секунду. В ее руках дымился медный таз с каким-то булькающим варевом.

– Помогите! Насилуют! – завопила она, отважно выплескивая в мою сторону свое зелье. Я вовремя отпустил веревки. Анцифер и Фармазон успешно подхватили меня под локотки и бережно опустили на землю. Я машинально глянул вверх. Наташи не было видно, добрая женщина тоже исчезла, но на асфальте, куда попали капли жидкости, предназначавшейся мне, появились дымные, обгорелые дыры.

– Сергей Александрович, нам пора, бежим! – Ангел цапнул меня за правую руку.

– Точно, точно, – неожиданно поддержал черноволосый братец. – А супругу твою мохнолапую лучше здесь оставить. Можно подумать, нам для полного кайфа только психованных ведьм и не хватает.

– Ничего не понимаю, – деланно возмутился я. – Эта старушка, видимо, с детства страдает прогрессирующей шизофренией. А может, ей в гражданском браке не повезло? Тогда понятно, почему сегодня у нее особенно острый приступ мужененавистничества. Простить ее, что ли, по-христиански?

– Глупая шутка, – буркнул ангел.

– Да, сногшибательным остроумием не блещет, но, Циля, ты же видишь, парень явно не в себе. Держу пари, женатого каскадера без улыбки и трусов он изображает впервые. Поимей снисхождение, не ругай его больше, на нас и так все подряд любуются.

В самом деле, несмотря на раннее утро, вокруг начали останавливаться прохожие. На меня смотрели с неподдельным интересом, одни таинственно улыбались, другие потирали руки, медленно придвигаясь поближе, а некоторые даже пускали слюну, словно в предвкушении... чего? Об этом думать уже не хотелось. Я вдруг необычайно остро осознал, что Анцифера с Фармазоном никто не видит, а значит, центром столпотворения является не кто иной, как...

– Серега, ты бы это... ладошками прикрылся, что ли?

– Анцифер! – Красный как рак, я в полном отчаянии повернулся к ангелу. – Чего им всем от меня надо?

Вместо ответа он вдруг схватил меня за руку и напролом бросился бежать. Двух скалозубых суперменов мы сбили, остальные взревели от ярости и восторга:

– Жертва!!!

Возбужденная моим страхом толпа нечисти ринулась в погоню. За моей спиной раздался упоенный вопль:

– Серега, беги! Я – прикрою!

Сзади загремели выстрелы. Обернувшись, я увидел счастливого Фармазона, доставшего из-под складок балахона большой черный маузер. Он поднял его над головой и еще раз даванул на гашетку:

– Я их задержу! Как говаривал незабвенный Бенья Крик, «...стрелять надо в воздух. Потому как если не стрелять в воздух, то ведь можно-таки попасть в живых людей...».

Конечно, его никто не видел, но выстрелы слышали все. На какое-то время стушевавшийся народ растянулся плашмя, пытаясь угадать, откуда же ведется стрельба. Поняв, что их несколько обманули, вся свора, озлобленно взвывая, стартовала за нами. Я никогда так не бегал... Босиком по еще прохладной мостовой, в неброском костюме древних греков на Олимпийских играх, подталкиваемый в спину ангелом-хранителем и бесом-искусителем, периодически тянувшими в разные стороны, да еще преследуемый по пятам раз-

номастной нечистью, – это что-то! Мы неслись по широкой улице, потом петляли между рычащих автомобилей на красный свет, свернули в какие-то старые кварталы, там метались по переулкам, Анцифер выпачкал крыло в солидоле, а Фармазон где-то потерял маузер. Прохожие, хозяева домишек, женщины и дети, которых мы успешно сбивали, толкали или просто отрывали от дела, загорались праведной мстью и увлеченно ввязывались в погоню. В конце концов они нас загнали в угол. Что, впрочем, вполне естественно, учитывая неравенство сил и разницу в ориентировке на местности. Коренные жители знали Город как свои пять пальцев. Впрочем, у некоторых их было шесть, а у одной резвой старушки вообще четыре, очень похожие на птичьи лапки, украшенные загнутыми когтями. Мой мозг удивительно беспристрастно отмечал все эти детали, в то время как я сам тупо шарил руками по гладким стенам тупичка. Под ногами – асфальтовая дорожка, над головой – синее небо, с трех сторон – бетонные плиты, а единственный выход плотно закупорен негостеприимными гражданами...

– «Далеко, далеко на лугу пасутся ко-о...? Козлы!» – совершенно не к месту пропел Фармазон. – Как-то не в голосе я сегодня, то ли в горле першит, то ли грудь побаливает... К врачу бы надо, мы тут недавно поликлинику пробегали. Ну что, Серега, дел полно, времени в обрез, давай прощаться, что ли?

Они подходили медленно, смакуя каждое движение, и слюна, бегущая с клыков, уродовала их лица. Первыми подкрадывались две стройные девушки в коротких пестрых платьицах, та самая пенсионерка с вороньими когтями, высокий мужчина с интеллигентным носом, в очках и при галстуке, плюс толстенький милиционер с благородной сединой в усах и впечатляющими зубами.

– Сереженька, если вы сейчас же не дадите нам руки...

Голос Анцифера вывел меня из столбняка. Неожиданно я ощутил безграничную потребность жить! Что бы там ни собирались сделать со мной эти уроды – разорвать на куски, съесть живьем, высосать всю кровь – больше я не буду трусливо убегать. Где-то далеко в моем генеалогическом древе попадались настоящие казаки. Значит, где-то должна быть и храбрость. Ее надо найти и набраться, а сейчас... сейчас я буду протестовать!

– Руки прочь! Прочь руки, интервенты! Я – гражданин свободной России. Моя страна успешно поднимается с колен, невзирая на все революции, перестройки, путчи, экономические кризисы и демократические реформы. Я направлю ноту протеста в Организацию Объединенных Наций! Самому... кто там у них сейчас, Перес де Куэльяр? И ему тоже, в любом случае – однозначно! – НАТО пришлет сюда вой-

ска, и «голубые каски» навсегда положат конец вашим милитаристским проискам.

Нападающие остановились. Может быть, никогда не видели голых психов, может быть, моя речь их вправду чем-то заинтересовала... Ну, раз слушают, я продолжил:

– В огне постоянной борьбы за общечеловеческие ценности, за равные права для всех рас и национальных меньшинств, за повсеместное уважение каждого индивидуума, самооценности и исключительности каждой конкретной личности закаляется душа народа. Да, жертвы были и будут! Да, нас всячески пытаются замолчать, остановить, уничтожить, но никто... вы слышите, никто не в состоянии изменить неумолимый путь эволюции человеческого разума! А те, кто пытается жалкими потугами остановить раскрученный маховик истории, – обречены на бесславную кончину, ибо нет в мире сил, способных остановить то, что мы именуем реалиями сегодняшнего дня!

Вампир в милицейской форме одобрительно захлопал, остальные, подумав, тоже поддержали меня сдержанными аплодисментами. Я перевел дух...

– Серега, по-моему, они приняли тебя за своего. Ты рубишь международную обстановку на ходу, сечешь политграмоту, как семечки. Вроде ничего определенного не сказал, а какое впечатление... Где так настропалился?

– Студентом состоял в комитете комсомола...

– М-минуточку, молодой человек... – обратился ко мне

мужчина в очках, пряча за спину руки с ухоженными ногтями. – Боюсь показаться навязчивым, но развейте некоторые сомнения присутствующих, вы ведь не из наших?

– Да, я не местный. Приехал только вчера, впервые в вашем Городе, однако это ведь не причина...

– Он не это имеет в виду, – встрял в разговор представитель охраны правопорядка. – Гражданин, ваши документы, попрошу.

– Ага, сейчас достану! – огрызнулся я.

– Понятненько... Попрошу пройти в отделение.

– Еще чего?! Никуда он не пойдет. Знаем мы ваши отделения, один себе всю кровь заграбастать хочешь! Фигу! Здесь на месте и разделаем, – возмущенно загомонил народ, но высокий опять перебил всех:

– Молодой человек, а как вы, собственно, сюда попали?

– Есть не будете? – устало вздохнул я.

– Будем, но позднее. Нам все-таки интересно, откуда вы такой взялись и зачем разгуливаете в обнаженном виде по нашему Городу?

– Ладно, в двух словах... Меня привела сюда жена, она ведьма, живет... не очень далеко, на... не знаю какой улице. Утром мы выясняли отношения, в результате чего я оказался под балконом не совсем... одетый.

– Вы – муж ведьмы? – почему-то удивились все. – Но ведьмы не выходят замуж. Они могут иметь кучу любовников, но законного мужа – никогда!

– Тем не менее... Наташа моя жена, а я ее муж. И это правда.

– Это не может быть правдой. – Мужчина поправил очки и понизил голос, словно выдавая страшную тайну. – Все предания утверждают, что муж ведьмы, если таковой действительно существует в природе, должен быть самым могущественным колдуном нашего века. С его разрушительной мощью не сравнится никто! Уж не хотите ли вы убедить нас, что вы и есть тот самый колдун?

– Да, – честно соврал я.

Мужчина жестом утихомирил разволновавшуюся толпу, снял очки, протер стекла платочком и, вновь водрузив их на нос, обратился ко мне:

– Докажите.

– Это небезопасно.

– Понимаем. Но если вы и вправду муж ведьмы, то возможные жертвы эксперимента вас не остановят, если же нет...

Тут он улыбнулся. На мгновение мне показалось, что у него вместо зубов заточенные полосы стали... Дыхание исчезло, я почувствовал, как вновь сдаю позиции животному страху. Первые строчки дались с трудом, но потом голос вернулся, и я дочитал так, словно от этого зависела моя жизнь. В критической ситуации каждый открывает в себе такие возможности...

Падает небо ажурным дождем,
Бывшее некогда синим.
Мы умираем, творим и живем
В мире изломанных линий.

Как силуэт, отраженный в окне
Долгой вагонной дороги,
Изморось дней в очищающем сне
Взвешают небрежные боги.

И подведут неучтенный баланс
С уймой ошибок на бланке,
Щедро отдав подвернувшийся шанс –
Встретиться на полустанке.

Там, где грохочет на стыке ветров
Бешеный поезд Вселенной,
Мы разглядим неземную любовь,
Ставшую гордой и тленной...

Мы улыбнемся, почувствовав связь
Судеб, как вечных истоков.
Злоба уйдет, и отмоется грязь,
Ты уже не одинока...

Не уходи! И тогда и теперь
Висну плющом на балконе
И обреченное время потерь
Пересыпаю в ладонях...

– Кажется, дождь начинается, – неуверенно протянули две девушки-вампы.

– И земля качается как-то подозрительно, – в тон им до-
бавил побледневший милиционер. – Эй, колдун, а как это
твое заклинание срабатывает?

– Не знаю, – пожал плечами я. – Каждый раз по-разному.

– Суду все ясно, – твердо объявил мужчина в очках, глядя
на трещины, появившиеся неведь откуда в асфальте. – Этот
человек – наш человек. Он действительно достоин называть-
ся мужем ведьмы. Предлагаю от лица всех присутствующих
выразить ему нашу общую благодарность за такое представ-
ление. Извините, что не поверили сразу. Надеемся, ника-
ких обид и недоразумений? Вот и замечательно. Рекомендую
всем откланяться.

– Чаво?! – громко переспросила когтистая бабка.

– Бежим отсюда, вот «чаво»!!!

Дождь хлынул со страшной силой, подземные толчки взо-
рвали тротуар, выворачивая черные плиты, тучи приобре-
тали очертания древнегреческих или скандинавских богов
и перебрасывались молниями. Неожиданно налетевший ве-
тер сбивал с ног удирающую нечисть. Грохот грома поче-
му-то напоминал мерный перестук вагонных колес. Прямо
у моих ног разверзлась глубокая трещина, но, прежде чем
я туда свалился, сверху обрушилась веревочная лестница,
больно стукнув меня по голове. Где-то высоко на малень-

ком балкончике мне махали руками Анцифер и Фармазон. Зажмурив глаза, я отважно полез наверх. Природный катаклизм кончился в ту же минуту, как меня, пыхтя, перетащили через перила.

– Пойдемте в дом, Сереженька. Хозяев сейчас нет, так уж мы сами. Фармазон, поищи одежду!

– Циля, не гони лошадей. Пусть лучше сразу в ванную сходит, я уже и душ пустил. Давай в темпе, Серега, пока я кофе с коньяком готовлю.

На этот раз близнецы действовали так ловко и слаженно, что не возникало ни малейшего желания им противоречить. Я даже как-то совершенно не обратил внимания на обстановку квартиры, в которую меня затащили, а следовало бы...

Ванная комната не отличалась ничем особенным. На полочках разноцветные шампуни, душистое мыло, прозрачные баночки с ароматическими солями, на крючках свежие полотенца, чистота вокруг умопомрачающая, вся сантехника блестит так, что глазам больно. Я попробовал теплую воду и влез под душ. Из напряженного тела постепенно выходила усталость, успокаивались нервы, гасло раздражение. Все становилось на свои места. Я просто млел от тихого человеческого счастья. Протянув руку, взял ближайшую бутылочку и от души намылился. Шампунь оказался очень пенистым, пах фиалками и невероятно бодрил. Именно бодрил: по всему телу разлилась упоительно-здоровая легкость, словно кровь в моих жилах заменили на игривое шампан-

ское...

Когда наконец я, распаренный и отдохнувший, завернувшись по пояс полотенцем, вышел из ванной, Анцифер и Фармазон ждали меня в гостиной комнате. Ангел держал в руках новый белый балахон, а черт – большой поднос, сервированный на три персоны. Повернувшись в мою сторону, они замерли с открытыми ртами.

– Что-нибудь не так? – широко улыбнулся я.

Так и не ответив ни слова, близнецы рухнули в обморок...

* * *

Никогда не приводил в чувство духов... Даже близко не представляю, как это вообще делается. Равно как и отродясь не предполагал, что ангелы и черти способны терять сознание. Однако же вот пожалуйста – лежат... Я подошел поближе, присел на корточки, осторожно похлопал по лбу одного, другого. Потом мой взгляд случайно встретился с обезьяноподобным чудовищем, обвязанным полотенцем и склонившимся над двумя распростертыми телами. Когда я понял, кто это...

– Сереженька!

– Ага, Сереженька, как же... Ты к кому обращаешься, к этой зверюге мохнозадой? Он же ничего общего с нашим хозяином не имеет, снежный человек какой-то... Эй, йети! А ну вставай давай!

– Изменник! Хитрый и изворотливый предатель! Иуда, можно сказать... Человек в беде, а он еще и издевается! Изуди, злой дух, я сам его спасу.

– Ага, обрадовался! Так я тебе и ушел... Мне, между прочим, тоже интересно, каким образом он так обволосел? Или обволосатился? В общем, весь шерстью покрылся...

Два голоса бились в моем сознании. Ничего больше не было – крошечная тьма и вечный спор двух неразлучных половин моей мятущейся души. Сознание вернулось так же резко, как и пропало. Горло полоснуло жидким огнем, да еще кто-то в придачу быстро вlepил мне четыре пощечины подряд. Я протестующе замычал и сел.

– Сергей Александрович, вы в порядке? – заботливо приобнял меня правой рукой белый ангел, в левой он держал пузатую бутылку коньяка. Рядышком суетился незабвенный Фармазон, дуя на покрасневшие ладони.

– Ну вот мы и в норме. Пришли в себя, грубо говоря – очухались, здрасте! – Вдвоем они подняли меня на ноги и усадили в ближайшее кресло.

– Что со мной было?

– Обморок.

– Я не об этом...

– Намек понял. – Черт мгновенно метнулся к большому напольному зеркалу и развернул его так, чтобы мне было лучше видно. Анцифер скорбно встал у меня за спиной, а подбежавший братец удобно устроился в ногах.

– Композиция, как в ателье. Жаль фотоаппарата нет, такой семейный кадр пропадает. А чего, мужички, может-таки, пошнырять здесь по углам, вдруг у хозяев где-то скромненький «кодак» со вспышкой заваялся. Я – сногшибателен, белобрысый – наманикюрен, а ты, Серега, вообще словно в кино сниматься намылился. В смысле – в фильмах-ужасах, без грима. Дело говорю, хорошие фотки на память останутся...

Я не расслышал, что там ответил братцу Анцифер, – я смотрел. В зеркало. На самого себя. И не узнавал. Вернее, узнал, но далеко не сразу. Все мое тело покрывала курчавая густая шерсть. Волосатыми были даже ладони. Да что ладони – даже сам нос! Нос и то был шерстяным и пушистым. На темном фоне лица выделялись лишь горящие ужасом глаза. Знакомый розовый туман вновь начал заволакивать сознание. Я испугался, что снова упаду в обморок, выхватил у ангела бутылку и приложился к горлышку.

– Эй, эй, эй! А делиться кто будет?! Не по-товарищески поступаете, гражданин! Ишь присосался...

Когда Фармазону удалось отобрать у меня коньяк, я уже несколько успокоился. Настолько, чтобы достойно взглянуть в глаза правде. В зеркале отражался... я. Действительно, очень похоже на снежного человека или на бесхвостую человекообразную обезьяну. Примат, одним словом.

– Ну че? Сам скажешь, чем ты там в ванной занимался, или нам с трех раз угадывать?

– Ребята, я ничего не делал. Принял душ, вымыл голову, вытерся полотенцем, завернулся, вышел, все...

– Врешь небось? – недоверчиво сощурился черт. – Наверняка опять какой-нибудь стишок прочел, вот и доколдовался.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.